

АШОТ БЕГЛАРЯН

Обыкновенные герои

Сборник повестей и рассказов

СТЕПАНАКЕРТ
«Сона»
2014

Человек, объявивший войну войне

В его кабинете на стенах развешаны многочисленные грамоты, дипломы, аккредитации и коллекция ручек – неизменных атрибутов журналиста и писателя. В случае с Ашотом Бегларяном можно смело говорить о профессиональном, мужественном и ответственном журналисте и талантливом, тонко чувствующим мир писателе. Несколько лет назад, когда я впервые познакомился с его творчеством, то был впечатлён не только красивым слогом, но в большей степени христианским чувством любви, пронизывающим все его произведения.

Путь Ашота в литературу был предопределён.

– Творческий зуд, – говорит писатель, – который, пожалуй, передался мне по наследству, стал серьёзно беспокоить меня в 14-15 лет. Тогда я понял, что не отвертеться. Любопытно, что поначалу писал стихи и даже небольшую поэму. Но вскоре понял, что это не моё.

Помню, как под впечатлением рассказа Шолохова «Судьба человека», а ещё больше – фильма, я заявил отцу, что «буду писать, как Шолохов». Отец, конечно, усмехнулся. Но это лишь подзадорило меня.

Именно отец был первым моим учителем и советчиком. Он был поэтом-лириком, членом союзов писателей и журналистов СССР, Армении и Арцаха. Папа всегда учил, что в любом произведении должна быть «соль». Вот я и стараюсь, чтобы и соль присутствовала в рассказах, и изюминка была.

Первые очерки и новеллы я стал писать в дивизионной газете «Во славу Родины», проходя срочную службу в Северо-Кавказском военном округе. Очень скоро меня заметили в издающейся в Ростове-на-Дону окружной газете «Красное знамя», предложили писать и для них. Это в основном были небольшие истории об армейских буднях. Кстати, моё солдатское, вернее, сержантское творчество было замечено лично командующим округа, генерал-полковником Шустко, и он наградил меня грамотой...

Несколько лет назад мне посчастливилось виртуально пообщаться с папой Ашота – Эрнестом Сантуровичем. Он сказал, что в основе его таланта не только Божий дар, но и генетика. Его мать, бабушка Ашота, имевшая всего четыре класса образования, знала наизусть множество стихотворений, сказок, притч и даже сама сочиняла. Общение с ней сказалось на литературных талантах сына и внука.

– Общение с бабушкой, которая умела очень своеобразно и увлекательно рассказывать, заставляло мою фантазию бурлить, дорисовывать то, что, может быть, она недоговаривала. Образы из рассказов бабушки часто всплывают в моей памяти, и я нередко использую их в своём творчестве, – говорит Ашот.

Рассказы и очерки Ашота публиковались в Степанакерте, Ереване, Москве, Санкт-Петербурге, Ростове-на-Дону, Новочеркасске и других российских городах,

в Грузии, Казахстане, Украине, Белоруссии, Болгарии, США, на сайтах Института освещения войны и мира (Лондон), Всемирной службы ВВС, в более 50 армянских и иностранных интернет-изданиях. По мотивам его рассказа «Дом, который стрелял» Георгием Газаряном был снят первый в истории Нагорно-Карабахской Республики короткометражный художественный фильм. Ашот невероятно работоспособен, любое дело, за которое он берётся, он делает добросовестно и качественно.

– Моё вдохновение постоянно подпитывается бесмертным подвигом ребят, положивших на алтарь родины самое дорогое – жизнь. Это вечный огонь в моей душе. Наши друзья, братья оставили нам свои неосязаемые мечты, и мы не имеем права забывать их, должны сделать всё, чтобы претворить их в жизнь.

Из рассказа Ашота Бегларяна «Дед Мороз (исповедь в канун Нового года)», 2006 год:

«...Лишь потом, уже после войны, я ужаснулся: как-то тихо, незаметно ушли друзья-товарищи, не попрощавшись, словно и не жили на этом свете никогда. Я был ошеломлён этим открытием... Неужели и я мог оказаться на их месте? Не верится... Живому трудно представить себя мёртвым, как, наверное, весело журчащему ручейку трудно представить себя льдом. А впрочем, что я говорю?! Ведь родники рождаются из, казалось, мёртвого и холодного льда, как, впрочем, и герои рождаются... из смерти, героической своей гибели, а точнее, возрождаются...»

Особое место в творчестве Ашота Бегларяна занимает военная тематика. Ведь он сам воевал за родной Арцах, был тяжело ранен. До встречи с Ашотом я не знал, что в своих военных рассказах он описывал ре-

альные ситуации и что многие из рассказов автобиографичны. Скажу честно, читать их мне очень сложно. Особенно сейчас, когда я уже пророс всей своей душой в этой прекрасной героической земле, когда своими глазами увидел многочисленные обелиски и аллеи памяти в Арцахе, слушал рассказы фронтовиков.

– На долю моего поколения выпала военная судьба. После двух лет службы в советской армии мои ровесники оказались в горниле четырёхлетней кровавой бойни... Война, увы, не завершилась по сей день. И неудивительно, что она является лейтмотивом моего творчества.

Как это ни странно звучит, но в какой-то мере мне повезло как писателю, ибо война даёт богатый материал, пищу для размышлений. Я стремлюсь использовать негативную энергетику войны против неё же, показать всю неприглядность войны, вместе с тем рассказать о лучших представителях народа, о том, как в экстремальных условиях проявляются лучшие человеческие качества.

В те годы, в период самых тяжёлых испытаний у нас был беспрецедентный дух единства, самоотверженности, готовности пожертвовать не только куском хлеба, но и собой во имя общенациональных идей, ради брата, друга, соседа, ради ближнего своего... Сегодня, увы, многое изменилось, стал доминировать индивидуализм. Между тем нам ещё предстоит большой и сложный путь, который должны преодолеть сообща. Поэтому во что бы то ни стало необходимо восстановить прежний дух.

Ашот не из тех людей, кто любит родину издалека. В отличие от многочисленных «патриотов», дающих советы, как обустроить Арцах и при этом не же-

лающих приезжать туда, служить в армии, он отрицает саму возможность жить где-то ещё, кроме как в Арцахе.

– Невольно вспоминаются слова Маяковского «...землю, с которой вместе мёрз, вовек разлюбить нельзя». Конечно, был соблазн, были предложения, достаточно заманчивые... Но Родина есть Родина. Здесь дух моих предков, могилы родителей, друзей. В конце концов, Родину не выбирают. Это наш крест, и мы должны нести его всю жизнь.

Я бесконечно благодарен Ашоту за то, что он открыл для меня этот райский край с, увы, не райской судьбой. Зная историю армян Нагорного Карабаха, чувствуя законную уверенность в правоте собственных устремлений, я верю в то, что на земле Арцаха будет мир.

– Ничто не в состоянии одолеть нас, если мы вернём дух конца 80-х-начала 90-х годов, – считает Ашот. – Что касается всеобъемлющего урегулирования, то нужен диалог между обществами сторон конфликта. К сожалению, власти Азербайджана осуществляют пагубную, в первую очередь для собственного народа, пропаганду, направленную на создание образа врага-армянина в расчёте на долгую перспективу. Это блокирует все миротворческие инициативы и заводит переговорный процесс в тупик.

Из рассказа Ашота Бегларяна «Ночь на посту» (1996):

«...Ступив на тропу войны, мы готовы без раздумья и предупреждения стрелять друг в друга. Хотя по большому счёту человек человеку, наверное, всё-таки – не волк, и во всём, в данном случае, виновата война. Это она разводит людей по разные стороны барри-

Ашот Бегларян

кад, часто не спрашивая фамилии и национальности. И всякое ещё может случиться: невидимая ленточка хрупкого перемирия – это далеко ещё не пограничные столбы, вкопанные в землю и скреплённые надёжным, долговременным договором...»

Арцах дал миру множество замечательных людей. В их числе Ашот Бегларян – скромный человек с большой армянской душой, человек, от общения с которым становится тепло на сердце; человек, позволяющий видеть свет в серости будней; человек, который своим существованием прославляет армян; человек, который обязательно победит войну.

Виктор КОНОПЛЁВ,

поэт и общественный деятель
Нижний Новгород

Обыкновенные герои

1

– ...Три, четыре, пять, шесть... – с усиливающимися по мере произнесения каждой последующей цифры тревогой и удивлением в голосе повторял во сне Камо, затем переходил на какое-то невнятное, судорожное бормотание. И трудно было определить, вспоминал ли он эпизод из своей военной жизни, когда, сидя в засаде в густых, мокрых от дождя зарослях, считал диверсантов, проникнувших в тыл с противоположного берега реки, или же подсчитывал, во сколько тысяч драмов обойдётся ему школьная экипировка детей – в нынешнем сентябре пойдёт в школу и четвёртый ребёнок...

Как и в других деревнях, утро в Вардашене начиналось рано. Едва забрезжил холодный рассвет, Заринэ бесшумно поднялась, стараясь не разбудить детей, спавших в той же большой комнате, что и она с Камо, за перегородкой в виде массивного старомодного шифоньера с полинявшей тёмно-коричневой краской. Она осторожно укрыла младшую, Каринэ, которая всё время боролась во сне с толстым одеялом из овечьей шер-

сти, скидывая, наконец, его, и, слегка поёживаясь от утренней свежести, спустилась по скрипучей деревянной лестнице во двор. Заринэ черпнула большой алюминиевой кружкой воды из железного бака, плеснула себе в лицо, чтобы отогнать остатки сна, взяла из сарая эмалированное ведро, небольшой термос, полотенце и самодельный табурет, направилась к хлеву.

Услышав её шаги, Севук (Чернушка) протяжно замычала. Заринэ открыла грубо сколоченную дощатую дверь, и из тёмного хлева в нос ударил знакомый терпкий, тёплый запах навоза. Корова приветственно покачала головой, косясь на хозяйку большим блестящим глазом. Заринэ погладила её лоб с небольшой белой отметиной посередине, заговорила ласково: «Умница ты наша, кормилица...» Она подоткнула подол своего платья, села на табурет, поставила ведро корове под набухшее вымя, предварительно обмыв его водой из термоса и обтерев полотенцем. Налившиеся молоком соски животного словно только и ждали, когда к ним прикоснутся натруженные руки хозяйки – тёплые, исходящие паром струйки застучали о ведро...

Не прошло и четверти часа, как лестница снова жалобно заскрипела – это спускался Камо в выцветшем камуфляже, который носил ещё с военных лет. Он также помылся холодной водой из бака во дворе и пошёл выводить из стойла коня. Камо потрепал кроваво-гнедого Орлика по шее, почесал чёрную гриву. Конь дружески фыркнул и потрянул головой.

Орлик не только служил лесному объездчику в качестве транспорта, но и был товарищем, своеобразным собеседником: необщительный с людьми Камо часто разговаривал с ним в лесу, делился мыслями и находил одобрение в умных глазах коня. Однако взаимное

доверие приходило постепенно. Чтобы заслужить уважение строптивного животного, Камо пришлось показать себя умелым наездником и заботливым хозяином. И если в первое время он относился к необъезженному и гордому жеребцу больше властно и покровительственно, чтобы подчинить его своей воле, то сейчас необходимости в этом не было – животное понимало его без слов.

Вообще Камо считал, что человек должен относиться с уважением как к человеку, так и к другим живым существам, ибо у всех у них одно дыхание, данное Богом. Он никогда не забывал эпизод из своего отрочества, когда привёл домой безродного щенка. Хотя собачка была неказистая, но у неё были большие выразительные, как у человека, глаза с грустинкой в уголках. Однако вскоре выяснилось, что животное страдает лишаем, и отец, опасаясь, как бы дети не подхватили от него заразу, приказал Камо прогнать собачку. Мальчик сунул щенка в рюкзак и отправился далеко в поле...

Вернувшись домой, Камо, к своему удивлению, нашёл отца крайне угрюмым. Судя по всему, он переживал за щенка, и когда тот на следующее утро неожиданно появился во дворе, вернулось и настроение отца. Он накормил его аппетитным куском мяса, затем, поместив в тазик, стал мыть уткнувшееся мокрым носом в его левую ладонь животное дистиллированным керосином – лохматую голову, шею, грудь, живот, спину, космы на ногах, пушистый хвост... Вскоре отец признался, что всю ночь его преследовали глаза собачки, её человеческий взгляд...

По меркам деревни Камо женился очень поздно – в тридцать четыре года. Помешали война, послевоен-

ная неразбериха, неопределённость будущего. Да и подходящая девушка не встречалась. К тому времени в соседней деревне подросла Заринэ, дочь погибшего на фронте боевого товарища. Камо часто видел её во дворе и огороде, когда проезжал на коне мимо их дома в лес, справлялся о житье-бытье, предлагал помощь. Несколько раз он привозил им из леса дрова на зиму, дикие груши, яблоки, мушмулу. Заринэ, уже не подросток, но ещё не девушка, с покорной благодарностью принимала эти нехитрые подарки, исподлобья стеснительно глядя на Камо. Она отвечала на его вопросы односложно и тихо, почти шёпотом, краснея при этом, отчего самому Камо становилось неловко...

Камо не заметил, как девчонка вошла в его сердце. Невозможно было определить тайну её обаяния – вроде бы ничего особенного: невысокий лоб с веснушками, густоватые брови над карими, слегка раскосыми глазами, обычный нос, немного приплюснутый, тонкие, стеснительно сжатые губы... Но в целом от неё, по-деревенски угловатой девушки с почти мальчишеской грудью и грубыми, натруженными руками, исходила какая-то женская мудрость, надёжность.

Камо, уже наполовину седой, также нравился Заринэ – внешне и некоторыми манерами он напоминал её отца, к которому она была очень привязана с малых лет. Девушка была младше Камо на шестнадцать лет. Мать Заринэ, почти ровесница Камо, от неожиданности лишилась дара речи, когда последний появился на пороге их дома не как обычно с охапкой дров или рюкзаком лесных груш, а с намерением просить руку её единственной дочери. Были против и немногочисленные родственники девушки. Но однажды в сумерках Заринэ ушла с Камо, на его Орлике...

Лесной объездчик Камо с юных лет любил бродить по горам и лесам, знал каждое дерево, каждый куст в окрестностях, был хорошим следопытом, а в годы войны – незаменимым разведчиком. Он распознавал следы в поле, в лесу, на участке, где земля испещрена разнообразными отпечатками копыт и лап. Камо не только разбирался в особенностях следов животных, но и делал выводы из запаха помятой травы, раздавленных насекомых. Ребята буквально ходили по его следам: там, где прошёл Камо, безопасность была гарантирована.

Ещё в 1990-м году, когда война подступала тихой сапой, он, студент четвёртого курса, оставил учёбу в России, вернулся в родное село и вместе с ребятами ушёл в лесистые горы, в партизанские отряды. Бывало, опытный следопыт выводил группу разведчиков из кольца вражеского окружения. Пару раз солдаты противника, ни о чём не подозревая, проходили прямо под деревом, на котором он находился. А однажды Камо под прикрытием темноты зашёл во вражеский окоп, забрав в качестве трофея у спящих постовиков прибор ночного видения и средства связи.

За четыре года войны ребята вдоволь понюхали пороха, действовали храбро и дерзко. Но самым тяжёлым испытанием стал неравный бой с хорошо вооружённой диверсионной группой противника численностью более семидесяти человек. Именно Камо заметил

их, подкрадывающихся под покровом тьмы. Диверсанты рассчитывали взять важный пост, затем продвигнуться, занять несколько стратегических высот и установить контроль над местностью.

Бой начался на рассвете, окутанном туманом. Диверсанты были уверены, что сразу же после первого натиска противник побежит. Однако молниеносной атаки не получилось: шквал автоматного и гранатомётного огня, сопровождавшийся неестественными, дикими криками наступавших, ожидаемого эффекта не принёс. Ребята, подготовившиеся к отпору и пославшие солдата за подкреплением, не дрогнули, не побежали и держались до тех пор, пока не подоспела помощь. Даже тяжелораненые не выпускали из рук оружия... Заметив летящую прямо в него гранату, Камо успел перекатиться в сторону. Повезло, отделался лёгкой контузией и ранением в бедро...

Быть может, Камо вспоминал во сне именно этот бой, точнее, безлунную ночь, когда, засев в мокрых зарослях в засаду, считал диверсантов, проникнувших в тыл с противоположного берега реки. А может, он прикидывал, во сколько тысяч драмов обойдётся ему школьная экипировка детей – в сентябре пойдёт в школу и четвёртый ребенок...

Женившись поздно, Камо решил наверстать упущенное: за пять лет у него родилось четверо детей – сын и три дочери. Ему сейчас было сорок пять, и с некоторых пор он стал замечать, что время стало лететь стремительно, новый год, казалось, наступал слишком

быстро: не успеешь оглянуться, как юный Январь уже заменяет белобородого Декабря. «Вот так и жизнь незаметно пройдет...» – порой предательски свербило в мозгу. Камо боялся не успеть поставить детей на ноги.

В военные годы, когда часто приходилось бодрствовать и днём, и ночью, он мечтательно думал: «Вот кончится война, целый месяц отсыпаться буду...» Сейчас он спал всего четыре-пять часов в сутки, да и нередко сну мешали видения, по большей части кошмарные. Одно из них чаще других преследовало его, как во сне, так и наяву: большой осколок от разорвавшегося среди белла дня снаряда «Града» разрезал корову на две половины. Чудом уцелевший детёныш сосал её вымя, стараясь выжать последние соки матери. Жизнь питалась подаянием смерти, и это была не сюрреалистическая картина, не воображение, а на самом деле имело место – в центре села, рядом со зданием сельсовета...

Животное хозяйство у Камо с Заринэ было небольшое: лошадь, корова, два петуха, три десятка кур, десяток кроликов, две собаки. Камо был особенно дружен с собакой охотничьей породы Дратхаар, универсалом, которого используют как в охоте на птицу, так и на более крупного зверя. Гонча (так звали собаку) считали одним из умных «людей» села. Именно «людей» – он всё понимал, только не говорил, читал по губам хозяина. Камо был уверен, что Гонч соперничал бы с лучшими английскими и немецкими собаками.

Другая собака, огромная кавказская овчарка, днём вела себя очень скромно, незаметно, даже позволяла детям дергать свой короткий хвост. Но попробуй ночью незваному гостю подкрасться к дому...

Недостаток в живности компенсировал большой огород, где выращивались помидоры, огурцы, картош-

ка, чеснок, лук, фасоль, тыква, перец, брюква, репа, клубника. В саду росли яблоки, груши, слива. Хозяйка впрок заготавливала на зиму сухофрукты, которыми в долгие морозные вечера лакомились дети.

Хозяйство занимало много времени, однако Заринэ успевала заниматься детьми, помогала им готовить уроки. Камо, конечно, подсоблял ей – приносил животным воду, сено, колоч дрова, чистил хлев. Однако он часто отсутствовал дома. Дети с пяти-шести лет приобщались к труду и помогали взрослым. Но порой их помощь выходила боком, оборачивалась новыми хлопотами. Месяца два назад сынишка, бегая за курицей, сунувшейся в огород, упал и сломал себе ногу. Перелом был сложный, как сказал сельский фельдшер – оскольчатый, и Камо пришлось занять денег и отвезти Паруйра в город для операции. В кость вставили металлический стержень. Камо пришлось заложить семейное золото и покрыть долг. Теперь ему предстояло найти деньги, чтобы взять обратно золото, которое досталось от почивших родителей и было гораздо больше, чем просто материальная ценность. А через пару месяцев требовалось провести новую операцию, чтобы извлечь металлический стержень...

У самого Камо в паху выскочила грыжа. Поначалу он вправлял пальцами внутрь небольшой бугорок, появившийся на коже. Но через некоторое время грыжа вновь появлялась в сопровождении приступа дикой боли. Требовалось вмешательство врача.

Неужели придётся продать коня? Камо старался не думать о такой перспективе...

Со времени прекращения активных боевых действий прошло уже немало лет, однако для Алика, проживавшего через два дома от Камо, война ещё продолжалась. Он всё ещё боролся с последствиями своих ранений, ведя неравную борьбу с Пространством и Временем...

Алику самой судьбой было предначертано стать воином, защитником родного очага. Когда началось Карабахское движение, ему не было шестнадцати лет. Беспокойный юноша сразу же попал в водоворот бурных событий.

Неподалеку от родной деревни располагалось село Лесное, которое в скором времени азербайджанцы превратили в огневую точку, откуда обстреливали близлежащие армянские села, совершали ночные вылазки, угоняли скот. Движимый юношеским любопытством, Алик, тайком забрав охотничье ружьё отца, ходил в Лесное, вернее в его окрестности, в своеобразную разведку, прятался в кустах и, затаив дыхание, следил за происходящим. Это было что-то наподобие игры, но однажды в отместку юноша пригнал из Лесного корову. А когда уже явно наметилось вооружённое противостояние, несовершеннолетний, но вполне зрелый на вид юноша попросился в ряды защитников своего села...

Первый бой был совершенно неожиданным и каким-то нелепым – с военнослужащими советской армии, которых на первых порах использовали для подавления народного движения... Заметив под деревом военный «Урал», ребята сразу смекнули – засада! На

ходу распределили патроны, рассеялись по лесу. Вскоре послышались и первые выстрелы, затем автоматы заклокотали. Алик стал стрелять в ответ: АКМ без приклада, по неопытности дрожали руки.

Разгорался настоящий бой. Отстреливаясь, Алик побежал в сторону густых зарослей. Пули разрывали воздух рядом. Алик прыгнул в овражек, заросший лабазником и крапивой, лёг на дно. Маскхалат позволил слиться с окружающей зеленью. Противник был в двух шагах. Алик затаил дыхание: заметят – конец! В то же время он понимал, что полагаться лишь на случай и везение нельзя. Алик осторожно достал гранату – никогда прежде не пользовался ею. Выдёрнул чеку, как учили опытные товарищи, и, не вставая, с лежачего положения, бросил – попал в дерево напротив. Глухо ударившись о толстый ствол, снаряд упал в сросшиеся заросли и разорвался, почти рядом. Но юноша цел! Пользуясь суматохой, Алик встал и ломанулся что есть мочи через высокую поросль. Солдаты – за ним.

Впереди – глубокое ущелье, в запасе всего один магазин патронов. Ситуация роковая. Алик вынул из магазина патрон, засунул в карман. Это был особенный боеприпас – на случай, когда другого выхода не будет...

Вдруг застрекотали пулемёты боевых машин, состригая кроны низкорослых деревьев вокруг. Не зная, куда деть себя, юноша, выпуская из автомата очередь за очередью, побежал обратно, в сторону противника, споткнулся и, пронёсшись по инерции еще несколько метров, упал ничком в густой куст ежевики и остался недвижим... Алик долго ещё удивлялся, как не угодил в плен, как вообще остался жив...

Нелепое крещение столь необычным боем не испугало Алика, хотя в душе он стыдился за эпизод с гранатой и особенно за болезненное падение в колючий куст ежевики, которое собственно и спасло его. С юношеским максимализмом Алик обещает себе отныне не терять самообладания в самых критических ситуациях, обрести сверхсилу и сверхнавыки, овладевая различными видами оружия и осваивая разнообразную военную технику...

На войне год – за два. За несколько месяцев, по мере разрастания войны, юный, пышущий энергией боец сильно возмужал. Большие глаза на только что покрывшемся пухом лице горели задором и отвагой. Алик пользовался авторитетом у товарищей, реально выполнял функции командира взвода. Он всегда шёл впереди с рацией в руке, был универсальным воином: в совершенстве владел фаготом, гранатомётом, миномётом. Алик бросался в самое пекло боёв, не щадя себя. Но сама война щадилась его. До поры до времени...

Подходил к концу третий год кровавой войны. За время короткого новогоднего перемирия Алик, наконец, помолвился с соседской девушкой, красавицей Кристиной. Они давно были влюблены друг в друга, встречались урывками, думали об обручении, но только вот война мешала. Теперь всё село радовалось – как в доброй сказке, герой обрёл красавицу... Но что такое? На душе у Алика было беспокойно, в сердце закралось недоброе предчувствие, навязчивое ожидание беды...

Всю ночь перед отправкой на передовую Алик не сомкнул глаз – нехорошее предчувствие усиливалось, подступая к горлу. Появилось навязчивое желание выпить из Кизилового родника у школы, как любил де-

лать это учеником-подростком во время длинной перемены. Сердцем хотелось впитать чистую студёную влагу – словно это исцелит, вернёт беззаботные дни ранней юности...

К рассвету Алик уже был на позициях. Противник находился совсем рядом, чувствовалось его дыхание. В зловещей тишине, казалось, слышался стук напряжённых человеческих сердец...

Вдруг затрещал неприятельский пулемёт. Невыносимая боль пронзила всё тело. Серое, тяжёлое небо, казалось, обрушилось с грохотом на землю, задавив всё вокруг...

Алик почувствовал прикосновение чьих-то пальцев. Открыл глаза. Пожилая женщина с широким добрым лицом вытирала влажным бинтом запёкшуюся кровь на его лице. Она улыбнулась ему, и Алик почувствовал в этой улыбке что-то родное, материнское – то, чего он был лишён с семи лет, когда мама, всегда бодрая и жизнерадостная, души не чаявшая в нём, неожиданно умерла от внезапной болезни.

Вскоре Алик узнал, что сестру-хозяйку госпиталя все: раненые, сослуживцы и даже начальник госпиталя – называли просто – «мама». Мама Аня была своеобразным ангелом-хранителем для раненых. Она не спала целыми сутками, стремясь помочь каждому, мыла тяжелораненых, не брезгуя грязью и гноем, кормила их с ложечки и даже сдавала свою кровь для операции. И раненые воспринимали это как должное, само собой разумеющееся: ведь она – их мама.

Рассказывали, что как-то над городом появился вражеский самолёт и сбросил полутонную бомбу. В это время Мама Аня с двумя прачками стирала во дворе госпиталя окровавленное солдатское бельё. Удар-

ная волна сбила женщин с ног. Придя в сознание, мама Аня тут же вернулась к корыту с бельём...

Самозабвенно помогая раненым, Мама Аня, наверное, пыталась заглушить собственную боль: она потеряла на войне единственного сына. Вернее, тот пропал без вести, и мать второй год не запирала дверь своего дома, постоянно держала на столе кусок хлеба и бутылку водки – а вдруг сын вернётся и будет нечего кушать...

Алика, которого с простреленным автоматной очередью брюхом с трудом вынесли с поля боя товарищи, оперировали несколько раз, удалили лёгкое, часть печени. Молодой и сильный, он выжил, несмотря ни на что, но вот Кристина, поначалу ухаживавшая за ним в госпитале, вскоре оставила искалеченного войной жёниха...

5

Года через три в пустоту его души ворвалась Лусинэ. Она, будучи медсестрой, взялась ухаживать за раненым, который требовал постоянного внимания. Лусинэ восхищалась, как мужественно Алик переносил свою боль. Вскоре восхищение переросло в любовь. Лусинэ полюбила сильно, всеми струнами души. Алику, его израненному сердцу, Лусинэ была нужна как заживляющий пластырь, но и он был ей необходим – зализывая ему раны, она одновременно исцеляла свои.

– Я, конечно, понимаю, что ты равнодушен ко мне, но одной моей любви, поверь, хватит на нас двоих. Я словно растворяюсь в своём чувстве, забываю в нём

саму себя. Я люблю тебя! В этих трёх словах для меня заключён весь мир... – Лусинэ вела нескончаемый монолог вслух, лишь изредка прерываемый Аликом. Её лицо сияло упоением. – Говорят, счастье – это нечто эфемерное. Неправда! Для меня оно материализовалось – это ты. Наконец я снова почувствовала себя женщиной.

В душе Алику нравилось, что он стал причиной счастья для кого-то, пусть и будучи сам не вполне счастливым.

– Вчера я поставила свечку и поклялась до конца жизни любить только тебя. Помолилась Богу, чтобы он не отнимал тебя у меня, решив, что я отлюбила своё, – говоря много, Лусинэ умела не говорить лишнего. – Пусть ты не первый мой мужчина, но теперь уже единственный и незаменимый на всю оставшуюся жизнь. Сейчас у меня такое чувство, будто я всегда любила лишь твои меняющиеся вместе с настроением цвет глаза, твой нос, твои губы, твой подбородок... Но это, поверь мне, не страсть, это не сиюминутно. Это – любовь. Больше всего я люблю твою душу...

Алик не запоминал всех её слов, но после них оставались тепло и нежность, правда, приправленные грустью. Лусинэ, казалось, не просто любила, а чувствовала его, вернее, вчувствовывалась в него, проникая в самое естество его мыслей и переживаний и чутко откликаясь на них. В свои тридцать семь Лусинэ успела увясть лицом, но когда она говорила о любви, морщинки в уголках её глаз разглаживались, и она становилась удивительно красивой и непохожей на себя...

Заринэ положила на большой дубовый стол варёную картошку с нарезанным поверх луком, салат из помидоров и огурцов, сыр, мацун. В центр стола она поставила большую кастрюлю с горячим блюдом – супом из фасоли. Затем она откинула со свежее испечённого хлеба посудное полотенце, ловко разделила руками ещё тёплый лаваш и разложила рядом с каждой тарелкой. Заринэ выпекала хлеб в тоне на неделю вперёд и умудрялась сохранять его в свежем виде.

Хозяйка разлила суп в большую миску и поставила перед мужем, после чего подала исходящую ароматным паром жидкость и детям. Хозяин не притронулся к свежему хлебу, вытащил из выдвижного ящика в столе бумажный кулёк, достал оттуда чёрствыи кусочки лаваша, видно, недоеденные детьми, крошил их в миску с супом, нарезал сверху зелёный лук. Трепетно-бережливое отношение к хлебу у него осталось со времён войны, когда нередко приходилось по нескольку дней перебиваться сухарями.

Камо был угрюм. Чувствуя его настроение, никто не произносил и слова, дети старались не чмокать. Заринэ краешком глаза следила за мужем – вдруг ему понадобится что-нибудь. Она привыкла общаться с ним без слов. Вообще супруги мало разговаривали между собой. За десять лет совместной жизни Камо лишь несколько раз выражал жене свои чувства, считая, что мужчине не подобает быть сентиментальным.

Тишину вдруг нарушила младшая дочь – Каринэ:

– Папа, а почему на войне плохие солдаты не попали в тебя?

– Они всё мимо стреляли, доченька... – ответил после паузы Камо и неожиданно для самого себя добавил, хмуро, исподлобья оглянувшись вокруг: – Но лучше бы попали.

У Заринэ вырвался удивлённо-негодующий стон.

Что это было – нечеловеческая усталость, нервное перенапряжение, неотступающая память о фронтовых испытаниях?.. Камо сам не знал точного ответа на это. Наверное, всё вместе...

– Папа, а почему у тебя только одна медаль? – не унималась дочка. – Вон у папы Арнольдика как их много на пиджаке!

– Каринэ, кушай молча. Не задавай глупых вопросов. Разве не видишь, папа устал? – отчитала дочку Заринэ.

Камо молчал. Как объяснить ребёнку, что жизнь сложна и противоречива: великодушие и благородство соседствуют с низостью и подлостью, беззаветная храбрость и самоотречённость одних сочетается с малодушием и шкурничеством других, верность и предательство сосуществуют друг с другом... Во все времена существует категория людей, которые самым наглым образом примазываются ко всему хорошему, высокому, доброму, компрометируя, поганя всё своими грязными прикосновениями? Нередко получают награды те, кто об этом и мечтать не смел в своё время, кто никак не заслуживает этого. Трус достаивается боевых медалей. О свободе говорит человек, добровольно продавший себя в рабство. Непробиваемая тупость вдруг становится пробивной...

Вопрос дочки разворошил у Камо ворох мыслей и чувств, глубоко затаённых обид и переживаний. Он

молча пытался разобраться в них, механически поднося ко рту ложку с супом:

«Война проверяет людей не только на стойкость, мужество и крепость духа, но и на человечность. Она создаёт героев. Однако герои, защитники родины не высечены из гранита. Это такие же живые люди из плоти и крови, и в каждом из них борются два противоположных начала – отвага и малодушие. И лишь ценой огромного усилия воли, поборов в себе страх и другие человеческие слабости, они выдерживают испытания, чтобы выйти из ситуации достойным образом. Выйти не только и не столько для себя, но и ради своих детей, родных, ради будущего... Понятно, что не все рождены летать, не всем суждено стать героями. На войне и после войны бывает и много антигероев, маленьких людей с непомерно большим аппетитом. У этих людей огромное брюхо, в котором помещается всё – и своё, и чужое. Они стараются одновременно присвоить и Богово, и кесарево, и чужие подвиги, и чужую славу. И часто преуспевает тот, кто циничнее, наглее и хитрее других...»

Но разве объяснишь всё это ребёнку?.. На фоне всего этого нелепыми выглядят даже отговорки, типа «мы воевали не ради орденов и славы». Лучше отшутиться: «В попу раненый джигит далеко не убежит». Но и этого ребёнок не поймёт. И Камо лишь произнес:

– Кушай, детка, кушай. Подрастёшь, поймёшь...

Он невольно обвёл взглядом обстановку дома и словно только сейчас заметил прокопчённые многолетним печным дымом стены и потолок, с которого на скрученном проводе одиноко свисала электрическая лампочка с пляшущей вокруг мошкаррой, прогнившие

местами окна веранды, затянутые целлофаном вместо стёкол...

«Главное богатство – это дети, – обнадёжил себя Камо. – Надо поставить их на ноги, а они сделают то, что не успею я...».

7

Строгий, пронизательный взгляд молодого человека со старой фотографии на серванте заставлял чувствовать себя виноватым. Наверное, потому, что свою юную жизнь ему пришлось отдать родине, пожертвовать ради общего, ради будущих поколений.

Камо часто вспоминал деда по отцовской линии – Габриэла, хотя знал о нём только по рассказам бабушки и видел его лишь на пожелтевших от времени фотографиях. Он часто с болью размышлял о судьбе молодого человека, погибшего в Великую Отечественную.

«Деду было двадцать четыре, когда он погиб на фронте, – Камо периодически терзала эта мысль. – Сейчас я почти вдвое старше него, а он считается моим дедом. Просто невысказано...»

Другого деда, Арустама, постигла не менее трагическая судьба. В отличие от первого, он выжил, пройдя три войны – Советско-финскую, Великую Отечественную и Карабахскую. Осколки, доставшиеся от этих войн, сидели у него в голове, в боку, в спине. На руках не хватало пальцев – двух на правой, трёх на левой. О себе и своей сплошь военной судьбе дед рассказывал редко, просто, почти без эмоций и эпитетов. Но за нехитрыми оборотами речи чувствовалось недю-

жинное напряжение человеческих сил, воли духа и характера, тяжёлое преодоление самого себя. Сколько было за этими незамысловатыми словами подъёмов по тревоге среди ночи, когда слипаются веки и сопротивляется каждый нерв, сколько бросков в неизвестность и смертельную опасность, из которой выходили далеко не все?! Девять ранений были тому подтверждением...

Надо сказать, что любовь к лесу передалась Камо именно от деда. Арустам, заядлый охотник, к старости видел плохо, веки отяжелели, глаза сузились (чем старше человек, тем меньше глаза – наверное, это защитная реакция: он устает, а может, в какой-то мере и боится смотреть на мир). Но стрелял дед наверняка, по слуху, на звук треска под копытами зверей и взмаха крыльев птиц и непременно приходил с охоты с дичью. Однажды деду заказали очки, он стал лучше видеть, но промахнулся на охоте. Больше не стал надевать их.

В молодости Арустам обладал огромной силой, мог, потянув за узду, свалить коня на колени. Держа топор в одной руке, вернее, культе, с первого удара раскалывал дрова. Зажав двумя пальцами рук косу, Арустам мог с утра до вечера косить без усталости в поле, в то время как маленький Камо, приносящий ему обед, любовался игрой квадратиков на животе у атлетически сложенного деда.

Арустама, грозного на вид, но в душе доброго и доверчивого человека, боялись и уважали во всём округе, скотокрады не рисковали подходить к его коровам и овцам. Приходя к нему в дом, азербайджанцы поклонялись ему на христианский манер. Но времена менялись...

В годы Карабахской войны Арустам, разменявший уже восьмой десяток лет, нёс вместе с односельчанами дежурство на боевых постах. В 1994-ом, за два месяца до окончания войны, дед попал в плен. Его привязали к дереву, выкололи глаза, вырезали на груди крест...

Поколение отца Камо не видело войн, вернее, отцу и большинству его сверстников не пришлось смотреть смерти прямо в глаза, испытывать на своей коже ужасы войны в самом её пекле, на поле боя, как это делали их отцы, а спустя несколько десятков лет – их сыновья. Однако на долю этого поколения пришлась не менее тяжёлая и ответственная миссия – восстанавливать разрушенное, совершать мирные, трудовые подвиги, вернуть обществу веру, уверенность в завтрашнем дне. Увы, это был всего лишь переходный период от одной войны к другой. Не успели деды перевести дух, как их внуки взяли в руки оружие, чтобы вновь отстаивать своё право на существование и место под солнцем. Но скольких новых жертв и разрушений стоило это!

Камо часто вспоминал свой ответ на увещевание матери беречь себя:

– Мама, будь готова к моей смерти. Столько хороших ребят рядом погибает...

Мать закрыла лицо руками и зашлась в беззвучном плаче.

Тогда ему было двадцать четыре, он был молод и горяч. Теперь Камо, сам уже родитель, сполна осознавал, насколько бессердечным был его ответ. Он понимал также, что не успел вернуть этой маленькой, седовласой, постаревшей раньше своих лет женщине и толики тепла и любви, которые та дала ему при жиз-

ни. И груз вины безысходной тяжестью ложился на его душу.

Камо с трудом проглотил слюну, что-то давило в горле. На память невольно пришли слова одного из институтских товарищей: «Смерть, конечно, лишает возможности глотать собственную слюну, ты вдруг перестаёшь быть хозяином своих ощущений, чувств и переживаний, хозяином самого себя, своего естества. Но одновременно она даёт абсолютную свободу: ты уже не причастен ни к чему, не несёшь никакой ответственности ни за самого себя, ни за других, ни за происходящее вокруг. Ты больше не одержим ненужными страстями, не страдаешь по поводу неосуществлённых желаний...»

Камо, не раз становившийся в годы войны свидетелем «обретения» подобной страшной свободы, сейчас осознавал иллюзорность подобного рассуждения.

Двадцатипятилетний Зорик умирал на его руках. Пуля вражеского снайпера пробила ему лоб, однако, к удивлению Камо, он не сразу скончался. В агонии, пока одна за другой с болью разрывались невидимые нити, связывающие с жизнью, Зорик звал маму и просил простить его – он был единственной опорой своей пожилой матери и жены с двумя маленькими детьми. И казалось, что, погибая, он сожалел не о своей молодой жизни, а о том, что лишается возможности нести бремя ответственности за свою семью, за малолетних детей...

А девятнадцатилетний пулемётчик Степан, схватившись за живот, умирал стоя, молча, без слов и стонув. Губы его кривились в странной улыбке, и это была последняя реакция на уходящую жизнь. Степан словно радовался чему-то непостижимому для живого

человека. Но и это скорее была иллюзия. Умирая, боец, по всей видимости, старался сохранить собственное лицо, что, пожалуй, также было выражением ответственности за своё поведение, за свой последний шаг в этой жизни. А может, он, не успевший в своей нелепо короткой жизни подержать девушку за руку, объяснить кому-то в любви, ещё не верил, что прощается с этим миром навсегда?

В любом случае, оба они прощались в первую очередь с самими собой, и в этом была непостижимая тайна.

«Но кем же становится человек через секунду, когда лишается жизни? – мучал себя Камо. – Неужели, просто трупом? Это было бы слишком примитивно и жестоко...»

8

Как и Алик, Лусинэ тоже успела обжечься жизнью. В восемнадцать лет, проходя в большом городе курсы медсестёр, она впервые по-настоящему влюбилась. Полный соблазнов и фальши город обманул девушку из провинции. Впрочем, сама Лусинэ не особо сопротивлялась этому обману, потому что любила своего обольстителя и жаждала свободы, которая, как ей казалось, наконец, пришла вместе с настоящим чувством после долгого томления в деревне под гнётом деспота-отца и братьев.

Лусинэ не хотела жить так, как жила её мать. Эту забитую и беззаветно преданную своей семье женщину муж держал в ежовых рукавицах, как было принято в патриархальных деревнях, где глава семьи безгра-

нично властвовал. Вместе с тем он мучал её своей подозрительностью, бывало, бил по пьянке. Она же, безответная страдалница, всё это безропотно сносила.

Ещё девчонкой-подростком Лусинэ бросала вызов нравам деревни. Тайком от отца она ходила на фильмы в сельском клубе, не чуралась мальчишеских компаний, а однажды, желая показать, что не намерена уступать в своих правах братьям, демонстративно отрезала подол длинной юбки, подаренной ей на день рождения (за что была отстёгана отцом). И, встретив в неполные восемнадцать в большом и красивом городе свою, как ей казалось, любовь, Лусинэ поверила, что навсегда остались в прошлом обиды и унижения... Но любовь красиво пришла и вскоре ушла – легко, не попрощавшись. Девушка не сразу поняла, что покинула навсегда...

Лусинэ вернулась в отчий дом разбитая горем, преследуемая первой, неудавшейся любовью. Так и не оправившаяся от шока, измученная воспоминаниями о всё ещё любимом парне и упреками домашних, она недолго противилась настояниям отца выйти за мужика из соседней деревни, который был гораздо старше неё и имел двоих сыновей от прежнего брака. Впрочем, иных шансов у Лусинэ и не было – устоявшиеся нравы провинции практически не допускали возможности вступления в нормальный брак девушки, утратившей невинность.

Жизнь с нелюбимым мужем была тягостной, пресной и блеклой. Аваг, невысокий худощавый брюнет с жидкими, обвислыми, как у сома, усами, был достаточно зажиточным фермером, с головой погружался в дела по хозяйству, прекрасно обеспечивал семью, «супружеский долг» в постели выполнял аккуратно, но в

светлое время суток словно не замечал юную жену, заговаривал с ней лишь по необходимости, наверное, считая её в душе одним из предметов своей собственности. Его тусклые, как у рыбы, глаза оживлялись лишь тогда, когда он говорил о деньгах, о вырученной за сезон прибыли. Лусинэ утешала лишь малышка, родившаяся к концу первого года замужества. Однако жизнь с постылым мужем усиливала боль от мучительных воспоминаний о первой любви, о самых ярких и сильных эмоциях, пережитых когда-то с человеком, которого никак не могла «переболеть». Она тихо лила слёзы. А муж упорно не замечал ни её, ни её настроения...

Как-то в солнечный полдень, когда Аваг, ни о чём не подозревая, отправился в поле проследить, как нанятые им работники убирают урожай, Лусинэ молча взяла на руки двухгодовалого ребёнка и вышла за ворота усадьбы...

Дома её встретили враждебно. Уговорить Лусинэ вернуться к мужу не смогли ни отец, ни старший брат.

Поднимать руку на женщину в этих краях было не в диковинку, но то, что произошло, было необычно по своей жестокости. Словно сговорившись, все мужчины дома набросились на Лусинэ и стали колошматить без разбору, избивли её до полусмерти. Старший брат с остервенелым выражением заросшего красного лица бил особенно больно. Он был в кирзовых сапогах, которые ещё долго преследовали Лусинэ в кошмарных снах...

Пока Лусинэ лежала в горячке с переломанными ребрами, девочку отвезли к отцу в соседнюю деревню. Придя на следующий вечер в себя и спохватившись, что дочери нет, Лусинэ не стала дожидаться рассвета и, преодолевая страшную боль, вышла на дорогу.

Чтобы сократить путь, она пошла по полю. Почва уходила из-под неуверенных полубосых ног, низкорослые колючие кустарники рвали одежду. Неподаляку по-детски заплакал шакал. В этом пронзительном плаче были какие-то весёлые, издевательские нотки. Женщине стало жутко. Она побежала, схватившись за больное место. Бежала и падала, падала и с трудом поднималась, чтобы бежать дальше. Ей казалось, что кто-то неотступно преследует...

Лусинэ нашла в себе силы преодолеть те четыре километра, которые отделяли её от любимого чада. Муж, теперь уже бывший, увидел перед собой не женщину, а раненого зверя, и уступил ребёнку без слов.

Возвращаться в отчий дом Лусинэ не стала, уехав вместе с ребёнком к одинокой, пожилой и больной родственнице в чужое село – жить, быть может, не менее тяжёлой, но своей собственной судьбой.

Именно здесь годы спустя она нашла свою настоящую, но не менее болезненную и драматическую любовь...

9

Алик уважал всё, что Лусинэ пережила и перестрадала, стремясь оставаться самой собой. У него стало зарождаться чувство какой-то нежной жалости к ней. Оно постепенно засасывало боль от его первой любви.

В глубине души Алику льстило, но ещё больше удивляло то, что эта непокорная и любящая свободу женщина просит у него, искалеченного войной, душевно надломленного человека рабства, умоляя никогда,

ни при каких обстоятельствах не прогонять её. Однако он не без тревоги отмечал про себя и то, что чувство съедает эту необычайно страстную женщину. Лусинэ, казалось, чувствовала какую-то угрозу, словно всё время хотела укрыться от некоей невидимой опасности. Она с трепетом вслушивалась в каждое слово Алика, интонации его голоса, и если находила в них что-то подозрительное, сильно переживала и мучилась.

– Ну притворись, скажи, что хоть чуточку любишь меня... Не оставляй меня наедине со своими мечтами – когда я начинаю грезить, что только не лезет в голову!..

И Лусинэ рассказала Алику свой сон.

Вот она заблудилась в лесу, долго петляет в растерянности среди огромных стволов угрюмых вековых деревьев. Тьма начинает заволакивать их макушки, гася слабые лучи, едва пробивающиеся сквозь мощные кроны. Моросит холодный дождь, женщина насквозь промокла и озябла, уже начинает отчаиваться, ноги не держат. Но вдруг взору открывается небольшая поляна, а на ней – домик со слабым светом в окошке. Замирая от страха, она подходит и заглядывает сквозь щель приоткрытой двери внутрь. Господи, там он, Алик! Он увлечён своим любимым занятием – вырезает, слегка склонив голову набок, деревянный крест. Лусинэ вскрикивает и опускается в бессилии у порога. Алик выбегает на шум и хватается её, бесчувственную, в охапку, вносит в дом, согревая своим дыханием... И вот уже Лусинэ приходит в себя, улыбается от счастья и хочет потянуться к возлюбленному для объятий, но тут взгляд девушки невольно опускается к его ногам. О Боже, на ногах у

Алика кирзовые сапоги! Те самые, которыми её пинали в отцовском доме...

Вместе с последними словами Лусинэ, словно ища защиты, прижалась к Алику, вцепившись ему в плечо:

– Не надевай никогда кирзовых сапог!.. Никогда не бей меня, прошу, не бей!..

Лусинэ давно уже не была простодушной девчонкой и знала, что у всякой любви два лица, одно из которых крайне неприглядно, непригляднее самой ненависти. Однако порой она словно зависала в беспомощности между памятью и реальностью. Прошлое начинало давить с жестокостью палача. Обжжёвшись своей первой любовью, она боялась за эту, любила Алика какой-то необычной, ненормальной, любовью, всё мучаясь неким болезненным ожиданием разлуки:

– Когда ты рядом, мне ничего не страшно. Я не представляю теперь, как можно жить без тебя...

Похожие признания Алик слышал и от Кристины, бывшей своей невесты. Но Кристина, казалось, готовая идти с ним хоть на край света, отреклась от него, когда война превратила его в инвалида. Алик не мог забыть её растерянное бледное лицо и жалкие попытки оправдаться. Влюблённому Алику было крайне тяжело и больно осознавать, что его избранница всё-таки оказалась обычной представительницей слабого пола, похожей на тысячи других... Лусинэ же обещала идти с ним под пули, если, не дай Бог, снова начнётся война. И парень был уверен, что это не пустые слова...

Между тем сам Алик страдал от внутренней раздвоенности, приступов тоски и апатии. С тех пор, как они с Кристиной расстались, нечто тёмное тихо заползло в его опустевшую душу. Это нечто теперь насмехалось:

«Ты любил, но не сумел отстоять свою любовь, она отвернулась от тебя. Ты любим, но не можешь любить сам и, позволяя любить себя, делаешь несчастной любящую тебя...» От двусмысленности своего положения Алику порой становилось невыносимо. Он прекрасно понимал, как часто бывает эгоистичен человек любимый, но не любящий сам, и старался стать выше этого. Но бывали минуты, когда мрачные, опасные для лучшей части человеческого естества чувства растекались вопреки воле, словно яд, по всей душе, вытесняя остальное. В такие моменты так и подмывало бить и крушить всё вокруг себя, чтобы успокоиться...

Однажды к вечеру, углубившись в свои думы, Алик задремал в кресле каким-то тяжёлым полусном. Лусинэ тихо подошла и, сев у его ног, потянулась поцеловать ему руку. Неожиданно для самого себя Алик грубо оттолкнул её:

– Все вы, женщины, заодно! Вы – обманщицы, вы разворовали мне душу... Уйдите, оставьте меня в покое! Все, все уйдите!

Лусинэ, распластавшись на коврике, зашла в истеричном плаче. Алик видел это как бы со стороны, словно это не имело отношения к нему. Тем не менее он хотел протянуть руку, успокоить её, приласкать, но не нашёл в себе сил. Когда он, наконец, очнулся, Лусинэ сидела у его ног с закрытым ладонями лицом и продолжала тихо плакать.

– Успокойся, – Алик потянулся к ней.

Лусинэ отпрянула:

– Ты понимаешь, что моя любовь к тебе – цвета крови?! Бог послал тебя в наказание мне – за мою прежнюю безалаберную любовь и легкомысленное отношение к жизни. Неужели я больше не имею права

любить?.. – она отвернулась к окну, закрыв ладонями лицо. – Как ты не понимаешь, что я люблю тебя! У тебя нет души! Бог видит мои страдания и слёзы. Он не простит тебе, если оттолкнёшь меня!..

Она схватила обеими руками его за локоть, заглянув полным отчаянья взглядом ему в глаза:

– Скажи, что хоть чуточку любишь меня. Солги, как это делают другие... Зачем ты подпустил меня к себе? Зачем не прогнал сразу?

Лусинэ рухнула на пол и разразилась громким судорожным плачем. Захлёбываясь от рыданий, она умоляла:

– Обещай, что не бросишь меня. Не отворачивай лица, посмотри мне в глаза. Ты понимаешь, что разлука для меня – смерть?.. Обещай!

Алик не обещал. Он верил этой простой женщине с её обнаженными чувствами и был почти уверен, что она никогда не обманет и не предаст его. Но он не обещал ей, понимая, что рискует обмануть самого себя...

Алик хотел успокоить её, сказать ей что-то тёплое и ласковое, но неожиданно выдал из себя нелепое и бесчувственное подобие нравоучения:

– Не надо плакать, слёзами не разжалобишь боль...

Алик хотел ещё что-то добавить, но ничего уже не выходило. Он понял, что разучился плакать не только слёзами, но и душой. Вслед за доктором, удалившим ему лёгкое и часть печени, Кристина, кажется, вырезала ему сердце. И, пытаясь жить без сердца, он подавил в себе много такого, без чего человек не в состоянии давать другим тепло и радость.

Лусинэ же, упокоившись, вновь стала убаюкивать его своими признаниями. Каждую минуту она придумывала

мывала для него что-то новое, нежное, немислимое:

– Мне кажется, что даже если я умру, любовь к тебе не исчезнет, не кончится вместе с жизнью, а будет существовать и после моей смерти...

И Алик соорудил в своей огрубевшей душе пьедестал для этой женщины. На него он собирался поставить памятник подвигу беззаветной человеческой преданности. Памятник женщине, способной любить настоящему, самозабвенно, с напряжением, равным самосгоранию...

Любить человека, быть может, недостойного, и не рассчитывая на ответное чувство...

10

Укутавший землю золотистый ковёр умиротворяюще шуршал под копытами Орлика. Нарядившийся в багрец лес стал сказочно привлекательным. Воздух был свеж и прозрачен. Солнце ласкало.

Однако на душе у Камо было мрачно и беспокойно. Он вдруг подумал, что через месяц-полтора от всей этой красоты ничего не останется, лес мертвецки оголится, бездыханные деревья сбросят последние увядшие листья, и холодная зима накроет всё своим белым саваном. И вновь его одолела тревожная мысль о том, что время стремительно летит, проносятся куда-то мимо дни, недели, месяцы, а он так и не «научился жить», не сумел приспособиться и «жить как все». Но страдал он не от этого, а от чувства собственного бессилия изменить что-либо вокруг. Ему казалось, что каждый день, каждый час, каждую минуту он упускает что-то важное, какой-то существенный, быть может,

судьбоносный миг, в то время как тихо и незаметно подкрадывается старость, несущая с собой болезни и немощь...

Орлик словно почувствовал настроение хозяина и негодуяще фыркнул. Это помогло Камо отвлечься от тяжёлых давящих мыслей о смерти, направить их в философское русло – размышлений о человеке во времени и пространстве:

«Понимая, что перед временем всё и все бессильны, индивид, тем не менее, не может смириться с мыслью, что он когда-нибудь кончится, что его больше не будет, что он перестанет иметь какое-либо отношение к окружающему, лишится возможности воздействовать на мир. На самом деле человек – это то, что есть сейчас, в этот миг. Был ли это он секундой назад? Будет ли он секунду спустя? Реален только миг и человек, живущий в этом миге...»

Тут Камо вдруг вспомнил наивный, а может, по-детски мудрый вопрос сынишки: «Папа, когда я вырасту с тебя, тогда ты станешь маленьким, как я?» Ребёнок ещё не знал о существовании смерти, не мог осознавать этого. Впрочем, и взрослому трудно, практически невозможно понять феномен небытия.

«Миг всемогущ, и если бы не идея вечности души, человек бы лишился разума от страха перед смертью и перспективой превращения в один миг в совершенное ничто. Поэтому нужно уметь использовать любой миг», – пришёл к выводу Камо.

Он остановил Орлика на опушке леса, спешился, взяв коня за узду. Багровые блики от игравших на опавших листьях лучей ещё достаточно яркого солнца создавали иллюзию пожара. И в центре этого пожара, внося визуальную дисгармонию в осенний ди-

зайн, сидели за бутылкой самодельной водки и нехитрой закуской двое: нескладный, напоминающий уродливую глыбу егерь Амо подтрунивал над худым и кривым лесником Рубо, слушая его рассказ о том, как позапрошлой весной неожиданно появившийся медведь откусил ему ухо и ягодицу, вспорол живот, выпустив кишки.

– Если бы Гриша промедлил пару секунд и не убил зверя из ружья, то мне был бы полный звездац! – рассказывал Рубо, однако, заметив, что собеседник смеётся, с удивлением пожаловался приблизившемуся Камо:

– Я рассказываю, как медведь чуть не съел меня, а он смеётся.

Разве это человечно?.. Почему ты смеёшься?

– А что – плакать? Я не умею плакать, – то ли пошутил, то ли всерьёз ответил Амо, захохотав всюю, во весь свой грубый голос. Его смех напоминал рык медведя.

«Война изменила человека до неузнаваемости, что-то звериное поселилось в людях, – подумал Камо, наблюдая за коллегами. – Да и трудно душе не зачерстветь там, где смерти дан в руки карт-бланш, где жизнь обесценилась до одного выстрела, до цены одного патрона. И часто грубость и цинизм, подобно толстой коже слона, становятся защитной бронёй для человека...»

– Да брось ты! Ты просто тупо издеваешься надо мной, – произнёс Рубо с искаженным от обиды лицом. – У тебя души нет!

– Ребята, а душа на самом деле существует? – неожиданно спросил Камо, то ли пытаясь разрядить обстановку, то ли, действительно, желая узнать мнение

собеседников относительно давно мучавшего его вопроса. – Вы верите в душу?

– Какая там душа? – недоверчиво фыркнул Амо.

– Конечно, душа есть! – парировал обозлённый на него Рубо. – Разве ты не чувствуешь, что внутри у тебя что-то живёт, время от времени возмущается, напирает и хочет вырваться из груди?

– Тогда почему она не вылетела сквозь твоё вспоротое брюхо? – вновь пустил в ход свой «чёрный» юмор Амо, опять же захохотав по-звериному.

– Говорят, душа вселяется в человека, когда новорожденный ребёнок, появившись на свет, делает первый вздох – первый крик. Именно в этот миг в младенца входит душа, он одухотворяется, становится человеком разумным, – Камо перевёл разговор в спокойное русло. – Однако такое странное и неестественное для человека явление, как война, калечит не только тело, но и душу человека. Душа приходит в этот мир, доверчиво протягивая детские ручки. Она, маленький ребёнок, нуждается в ласке, добре и тепле. Но взрослые начинают притеснять её, бить, убивать. От ужасов войны душа сжимается в комочек, прячется где-то внутри человека. Она и вовсе может там умереть, задохнуться, превратив человека в живого трупа...

Рубо задумчиво почесал лохматую голову. Амо тупо молчал.

– Ребята, а вы заметили, что дети плачут одинаково? – на этот раз Камо вовсе ошарашил собеседников.

Не дожидаясь ответа, он продолжил:

– Потому что они плачут искренне, как и смеются искренне. Не то, что мы, взрослые... У детей хрупкая, чистая, ангельская душа, всегда готовая заплакать. Но

эти беззащитные существа по обе стороны окопов уже который год являются жертвами человеческой жестокости, алчности, несправедливости, бессердечия. И пока не будет мира, солнце будет казаться им холодным и тёмным...

Охотники слушали Камо молча, удивлённо, ибо впервые слышали от него, обычно немногословного, замкнутого, подобное «философствование». Вытянувшееся от изумления лицо Амо выражало крайнюю степень серьёзности, что бывало очень редко. Но понял ли он, что это были не творческие изыскания деревенского философа, а крик души, истосковавшейся по правде и чистоте человеческих взаимоотношений?..

— Что такое мир? — спросил Камо и, не дожидаясь ответа, сам же ответил: — Это беззаботная улыбка ребёнка, просыпающегося с утренней зарёй — улыбкой неба. Вот это и есть смысл жизни. Вот этого сегодня всем нам не хватает. А война — жестокая, страшная, всепожирающая вещь. Люди для неё — всего лишь материал, который нещадно расходуется.

Камо тяжело вздохнул и произнёс с печалью в голосе:

— Угроза войны всё ещё витает в воздухе, и мудрость человеческая заключается в том, чтобы не дать войне и дальше убивать нас, а, наоборот, объединившись, убить саму войну...

Над деревней опустились сумерки. Окутанные мраком дома потеряли свои контуры, слившись воедино. За околицей раздавался вой шакалов, похожий на ис-

теричный плач младенцев. По мере сгущения тьмы это душераздирающие завывание приближалось, давя на психику. В такие минуты человек чувствует себя крайне незащищённым и уязвимым перед дикой стихией, выражением которой в данном случае является этот зловещий фальшивый плач. Будущее тогда представляется мрачным, а в настоящем словно затаилось предательство...

Лусинэ вновь осталась одна со своей дочкой. Её жизнь рядом с Аликом продолжалась недолго, неполных три года. У Алика обострились старые раны, не выдержало сердце...

Прощаться с Аликом пришло всё село, ветераны войны из соседних деревень. Скорбный поток людей с гробом поднимался по склону холма, на котором сгрудились многочисленные могилы юношей, мужчин и женщин, стариков и детей – несчастных жертв жестокой войны. Стенающая толпа взбиралась всё выше и выше, словно стараясь достичь самого неба и найти в нём избавление от мук земных, раствориться в нём...

Алик лежал в до странности маленьком деревянном гробу, неподвижный и бессловесный – так непохожий на себя. Глядя на него, Камо на миг потерял чувство реальности, окружавшие его люди, живые существа, показались ему неестественными. Невероятной казалась и их способность дышать, ходить по земле, двигаться, говорить, плакать...

Боевой товарищ Алика, великан с мокрой от слёз бородой, рассказывал о храбром бойце, внимательном командире, настоящем человеке и друге. Камо слушал его и думал о сотнях таких же молодых, безвременно ушедших парней, любивших жизнь не меньше их – живых. «Почему именно они?.. Почему не я? Неуже-

ли лишь потому, что мне повезло...» – пронеслось в голове.

Внутри у Камо нарастало некое возмущение. Он попросил слова.

– Жизнь – постоянная борьба и преодоление боли, которая рождается вместе с человеком, живёт с ним всю жизнь и даже остаётся после него... – тихо начал Камо.

Застывшие в скорби люди внимательно вслушивались в каждое его слово ещё и потому, что ни разу не видели Камо выступающим на публике. Он несколько торжественно повысил тон голоса:

– Алик был необыкновенным парнем. Он был настоящим героем. Но герои – люди незащищённые. Их уязвимое место – спина. Они постоянно идут вперёд, к достижению цели, не останавливаясь, не особенно задумываясь о надёжности тыла, о том, идёт ли кто-нибудь сзади, чтобы поддержать в тяжёлую минуту. И потому герой обречён на гибель...

Камо невольно оглянулся на Лусинэ. Осунувшаяся до неузнаваемости, без кровинки в лице, она переживала смерть Алика молча, стиснув тонкие безжизненные губы. Слезы на её глазах высохли, уступив место безмерному отчаянию...

Камо тяжело перевёл дыхание и продолжил:

– Но, уходя в другое, быть может, лучшее измерение, они оставляют на нашей несовершенной земле скорбных матерей и неутешных вдов, перед которыми мы в вечном и неоплатном долгу, ибо это они воспитали героев, ибо это они растят будущих героев. Их много среди нас, рядом. Нельзя нам забывать об этом. Нельзя!..

Когда гроб опускали в яму, Лусинэ лишилась чувств, рухнув оземь...

Камо принадлежал к поколению, которое принято называть «потерянным». По-другому представителей этого поколения называют «неучтёнными жертвами войны». Война тяжёлыми гусеницами прошла по людям, кого уничтожила физически, кого задавила морально, сделала калеккой на всю жизнь. Выжившие отдали войне часть своей молодости, пожертвовали ей многие свои надежды и мечты. Однако этого показалось мало войне, она осталась с ветеранами на всю жизнь, чтобы мучить их дальше, попытаться высосать из них оставшиеся силы.

Вернувшись домой физически или морально искалеченными, многие из них уже не могли адаптироваться и снова зажить обычной жизнью. Потери боевых товарищей, постоянная картина смерти тяжело отразились на душевном состоянии молодых людей. После пережитых ужасов войны ветераны, в условиях послевоенной разрухи и нервной атмосферы, остро ощущали и переживали жестокость и несправедливость жизни.

Сам Камо считал ниже своего достоинства жаловаться на невзгоды, сетовать на судьбу, ныть по поводу своих проблем. Он старался подходить к тяготам и лишениям теперь уже послевоенной жизни одновременно и практично, и философски, спокойно пытался преодолевать их. В годы войны, реальной опасности, нависшей над родиной и конкретно над его селом, он, как и большинство его сверстников, по-настоящему был готов пожертвовать собой. Тогда окружающая атмосфера, и земля, и воздух, несмотря на смерть и вся-

ческие ужасы, были полны героикой и духовностью, любовью к родине и ближнему... Но почему вдруг всё изменилось? Почему лишь зарубцевавшиеся, но всё ещё ноющие физические и душевные раны напоминают о тех страшных и драматических, но сокровенных днях? Почему они вчера были героями, а сегодня стали изгоями?.. Для Камо, при всей пытливости его ума, это было непостижимо.

В первые дни и недели после возвращения с войны все были во власти какого-то чуда, эйфории от того, что остались живы. После невероятных испытаний на полях сражений они не замечали трудностей, были счастливы уже от того, что имели возможность смотреть на солнце и голубое небо, любоваться цветущими деревьями, слушать беззаботную трель птиц. Однако времена как-то незаметно изменились, удивительно податливым стал человеческий материал: как пластилиновых, обстоятельства и условия жизни стали лепить на свой лад большинство людей. Сломались прежние человеческие отношения, вчерашние друзья и товарищи по воле обстоятельств стали заклятыми врагами. Люди, готовые ещё пару лет назад отдать жизнь друг за друга, быстро привыкли к чужой боли, сердца их стали чёрствыми и каменными, а сами они – жестокими и эгоистичными. Олицетворением цинизма стала вошедшая в обиход чёрная шутка: «Когда ты воевал, я тебе мешал?..»

Мучительные размышления привели Камо к убеждению, что именно ему и людям его поколения, умеющим отделять добро от зла, знающим истинную цену вещам и сохранившим огонь в душе, следует проявлять активность, не созерцать и тем более не «учиться» жить по-новому, по чуждым понятиям и правилам,

а попытаться изменить что-нибудь вокруг, доказать, что они не «потеряны» и что есть ещё порох в пороховницах.

«Конечно, можно пробить лично для себя удобную нишу в обществе, втиснуться в неё и просуществовать относительно легко, живя плотской жизнью. Для этого немного надо: не высовываться, не плыть против течения, перестать быть самим собой... Но нужно спасать, пока не поздно, людей с живыми душами, волею судьбы очутившихся в бездушном, перевёрнутом и извращённом обществе. Надо преодолеть себя, отбросить все страхи, стать выше обиды, избавиться от инертности и действовать, пока есть шанс», – думал он.

Вскоре неожиданно для многих Камо выдвинулся в Совет старейшин сельской общины, был избран и стал одним из пяти его членов. На первом же заседании с участием представителя центральной власти он попросил слова.

– Не хочу показаться демагогом, но, как говорится, душе молчать невмоготу. Так уж получилось, что труженики войны, её герои, никогда не прятавшиеся за чьи-либо спины, часто оказываются незащищёнными с тылу, сталкиваясь с барьерами бюрократизма и бездушия. Многие бывшие воины-патриоты, мягко говоря, не преуспевают в жизни, не все инвалиды сегодня получают необходимое лечение. Когда-то они были героями, на них люди молились, а сегодня стали жертвами равнодушия общества. И отдавая дань памяти погибших героев, мы ни на минуту не должны забывать о том, что рядом есть и живые герои, простые, обыкновенные герои, не раз рисковавшие собственной жизнью и пожертвовавшие своим здоровьем, чтобы по-

дарить людям будущее и мир. Им многого не надо. Они не требуют орденов и медалей. Им нужно только внимание окружающих...

Камо активно участвовал в заседаниях, поднимал злободневные вопросы. Уже весь седой в свои сорок семь, он, казалось, родился заново, был полон сил, энергии и энтузиазма. Заринэ в душе удивлялась такому преображению мужа, радовалась и немного волновалась за него. Не всем нравились настырность и принципиальность Камо, но благодаря его последовательности многие проблемы нуждающихся семей получали решение.

Камо стал инициатором открытия Музея боевой славы, ходил по домам и собирал фотографии, документы, личные вещи героев войны, в том числе Алика. По предложению Камо заведовать музеем поручили Лусинэ, которая долго ещё оправлялась от глубокой душевной раны.

«Мы собрали под одной крышей всё, что касается героев, защитников родины. Это крайне важно – нынешнее и будущие поколения должны знать об их ратных делах, о подвигах своих отцов и дедов...» – объясняла она посетителям.

Про себя же Лусинэ молила Бога, чтобы поколение её дочери не встало перед необходимостью повторить их подвиг...

2012-2013 гг.

Маленький провидец

(рассказ основан на реальных событиях в Нагорном Карабахе)

Солнце пекло столь нещадно, что казалось, ещё немного – и всё вокруг загорится большим всепожирающим пламенем. В кипящем под августовскими лучами воздухе замерло всё живое. Расплавленную тишину не нарушали даже голоса птиц и шорох листьев. И лишь золотоволосый мальчик, которому пару дней назад исполнилось шесть лет, осторожно ступал босыми ногами по раскалённому асфальту, становясь то на носки, то на пятки, то на ребро ступней. Подошва ног горела, и от боли тонкое, подвижное лицо мальчика искажалось, дёргалось, бледнело, но огромные карие с зелёным оттенком глаза при этом наполнялись новым блеском.

Эрик любил лето, ясное, без облачка на небе, искрящийся солнечный свет. И солнце, судя по всему, тоже любило мальчика, словно запечатлев в знак симпатии свои золотистые брызги-веснушки на его лице. Кто-то из соседей даже шутил, что мальчишку поцеловало солнце. И, казалось, из-за мальчика, питающегося лучистой энергией, огненное светило, от которого

зависела жизнь на земле, задерживалось в этих краях надолго, почти на полгода – лето здесь начиналось в мае и кончалось в октябре.

Эрик держал в руке солдатскую фляжку, которую дед принёс с войны, и мнил себя неким спасителем, искренне веря, что волшебное содержимое (на самом деле это была обычная вода) местами помятой овальной металлической бутылки погасит готовый вспыхнуть пожар. Борясь с усиливающейся жгучей болью в подошвах ног и не издавая ни звука, мальчик чувствовал себя героем, каким был его дед, прошедший с боями всю Великую Отечественную и вошедший с победой в Берлин. Эрик часто любовался его старым праздничным пиджаком, на котором было не счесть орденов и медалей, других блестящих предметов, казавшихся мальчику красивыми безделушками. Он просто боготворил деда, сохранившего в свои семьдесят пять лет гордую осанку, и старался во всём подражать ему. Правда, мальчик не совсем понимал старика, когда тот то и дело говорил, что война – страшная вещь, и не приведи Господь повториться ей. Ему казалось, что дед-победитель не должен бояться войны, а наоборот, это война должна трепетать перед ним...

Вообще-то мальчик был необыкновенным. У него был сильный дар предчувствия. Когда должно было произойти чему-то хорошему, его нутро наполнялось неким светом, нарастающим радостным, кипящим ожиданием, которое, наконец, вырываясь наружу, превращалось в соответствующие предметы и явления. Казалось, что он – маленький волшебник, создающий события. Однако мальчик не делал жестов волшебника, не произносил заклинаний, не настраивал особым

образом свою психику. Он просто сильно желал чего-то, и это желание исполнялось.

Ваник, соседский мальчуган постарше Эрика на пару-тройку лет, был не на шутку ошарашен тем, что произошло у него на глазах.

– Вот бы сейчас мороженого... – мечтательно произнёс Ваник на дворовой игровой площадке после того, как вдоволь наигрались в мяч. – Эх, где найти тридцать копеек?

– Пойдём находить, – спокойно произнёс Эрик.

Он сосредоточенно направился в сторону сквера, расположенного неподалеку от дома. Ваник невольно последовал за ним.

Под первой же скамейкой у фонтана популярного в городе Пятачка лежал рубль, на который можно было купить не одно мороженое. Ваник не верил своим глазам. Ему казалось, что Эрик разыгрывает его, что он заранее положил рубль под скамейку. Ваник настойчиво просил своего маленького товарища признаться в этом.

– Ну как я мог знать, что именно сейчас тебе захочется мороженого? – как бы оправдывался тот, сам не в силах толком объяснить произошедшее.

Был и другой случай.

Как-то во дворе подростки играли в кости. Эрик подошёл и попросился играть с ними. Ребята недоверчиво посмотрели на мелкого.

– Мальчик, а где твой альчик? – насмешливо спросил один из них.

Эрик призадумался на минуту, затем произнёс: «Сейчас будет» и пошёл уверенным шагом вперёд. И вновь его нутро стали наполнять какая-то необычная светлая сила и трепетное ожидание невероятного, но

неминуемого. Вскоре чудо, действительно, свершилось: Эрик не сделал и десяти шагов – в небольшой лужице стоял в интересном положении, на своих рожках, альчик. Мальчик помыл костяшку в лужице и спокойно вернулся к играющим. Те, конечно, подумали, что альчик у него был где-то припрятан.

И в самом деле, материалистически это было необъяснимо, а потому никто не верил мальчику. Происходившие на глазах у всех необыкновенные вещи люди были склонны списывать на удачное стечение обстоятельств, ибо многие были уверены, что в мире всё происходит по слепому случаю. Окружающие не верили в чудо, старались не замечать его, забыть поскорее. Казалось, оно пугало их. В то же время мальчик, несмотря на свои малые годы, понимал, что он не должен желать чего-то плохого, иначе его дар не сработает и даже может вовсе исчезнуть. Впрочем, Эрик и не мог желать кому-либо зла, ибо был очень добрым по своей натуре, отчего многим казался наивным чудачком...

Между тем удивительные, не поддающиеся объяснению вещи происходили с мальчиком всё чаще и уже не удивляли осторожную во всём мать и даже скептика-отца, склонного давать всему конкретное, реалистическое объяснение. Эрик как бы между прочим мог сообщить родителям: «Иду находить деньги» и возвращался через некоторое время с рублёвой, трёх- или пятирублёвой купюрой. Возвращался очень скоро, словно кто-то специально подбрасывал ему на улице деньги. А однажды он нашёл красную, десятирублёвую купюру, которую украшало изображение вождя мирового пролетариата – Ленина, что свидетельствовало о ценности банкноты.

Впрочем, мальчик не особо разбирался в деньгах и их достоинствах. Он отдавал их маме, просил покупать на них конфеты и раздавал солдатам расположенного неподалеку от их дома мотострелкового полка советской армии. Взамен солдаты с улыбкой на лице снимали с груди значки и протягивали мальчику. Это напоминало некий обряд, которому следовали почти все военнослужащие. У мальчика уже был целый набор таких значков.

Прошло несколько лет. Мальчик подрос, учился в пятом классе обычной общеобразовательной школы. Дар его не пропал и даже усиливался со временем. Эрик, кажется, мог приоткрывать завесу будущего, получать информацию о завтрашнем дне. Нередко ему снились вещие сны...

Между тем над огромной страной, а вместе с ней и маленьким краем, где жил необыкновенный мальчик, сгушались грозные тучи. Советский Союз, казавшийся вечным грандиозным монолитом, неожиданно дал трещину. Приближающийся крах империи, идеология которой уже шла в явное противоречие с меняющейся действительностью, особенно больно восприняли пожилые адепты коммунизма — как крушение всех своих жизненных идеалов. Для них это был своеобразный конец света. Старый профессор, преподававший диалектический и исторический материализм и слепо веривший в наступление эры коммунизма, не выдержал фиаско казавшейся бессмертной идеи и бросился с балкона своего дома, разбившись насмерть. Под обломками громадного здания рушащейся империи оказались многие из тех, кто являлся её «цементом».

Тем временем из недр сознания людей выплыло понятие свободы личности. Почуввав возможность измене-

ния ситуации, народ заполнил городские площади, требуя прав, которые игнорировались на протяжении долгих десятилетий. В ответ на это бывшая советская метрополия, на глазах утрачивающая свою искусственную власть, но всё ещё пытающаяся сохранить изжившую себя государственность, напустила грозу. Всё шло к войне. Окружавшие город мусульманские сёла превращались в военные базы, откуда спустя пару месяцев должен был вестись обстрел по мирным людям из пушек и других артиллерийских орудий.

Да, город, где проживал необыкновенный мальчик, переживал нелёгкие дни. Неопределённость будущего и нависшая реальная опасность давили, но лица людей были сосредоточенными и решительными. Они готовились дать бой...

Исчезла и мирная улыбка с лиц солдат на контрольно-пропускном пункте дислоцировавшегося в городе советского полка. Уже несколько дней дневальные по КПП стояли с автоматами. Солдаты с суровым и неприветливым видом, кажется, вовсе не замечали солнечного мальчика, который каждый день проходил мимо воинской части по дороге в школу и обратно.

На дворе стоял сухой февраль, однако на сером небосводе тут и там кучились холодные тучи, обещающие снег. Мрачно было и внутри у мальчика. Вот уже вторую неделю что-то происходило с ним, необъяснимая тревожная дымка заволакивала его душу...

В ту ночь Эрик увидел во сне дедушку, скончавшегося два года назад. Он тихо, как бы про себя, произнёс странную фразу: «Вот и кончилось лето...», задумчиво провёл по седой бороде и исчез. Потом приснилось, что в небе над воинской частью парит огромный орёл. В его лапах был мешок, из которого вдруг

посыпались конфеты. Солдаты внизу с радостными лицами воздели вверх руки с раскрытыми ладонями, чтобы поймать сладости. Но что это?! Приближаясь, конфетины стали превращаться... в бомбы! Радость на лицах солдат сменилась ужасом...

От страха Эрик проснулся и всю ночь уже не смыкал глаз. Он понимал, что это не простой сон. Ему не терпелось сообщить солдатам о надвигающейся беде. И это в праздник 23 февраля, День Советской армии и Военно-морского флота. Мальчик не отходил от окна, всматриваясь в чернильную, давящую на стекло холодную темноту. Нарастающая тревога сжимала горло, сердце колотилось о рёбра, словно перепуганная, пытающаяся вылететь из клетки на волю птичка...

Едва забрезжил рассвет, мальчик накинул на плечи ватник и, стараясь не разбудить родителей, бесшумно открыл дверь и вышел наружу. Раннее, ещё окончательно не избавившееся от мрака утро обдало его своей свежестью. Эрик съёжился и, сунув кисти рук под мышки, направился к воинской части. Вокруг притаились полусонные тени, порой мерещились чьи-то шаги позади. Триста метров, отделявших мальчика от воинской части, казались бесконечными. Наконец в рассеивающемся полумраке обозначились выведенные красными буквами «КПП» и долговязый дневальный у ворот с коротким, казавшимся игрушечным автоматом.

– Чего тебе надо, пацан? – строго спросил не на шутку удивлённый и, казалось, немного напуганный солдат неожиданно появившегося перед ним мальчика.

Эрик, насколько позволял ему лексикон, пытался объяснить солдату на русском языке о надвигающейся

опасности. Свои неуклюжие слова он подкреплял выразительными жестами. Но тщетно. Кто будет серьёзно воспринимать мальчишку?

Тут из помещения КПП вышел на голоса дежурный – смуглый сержант с тоненькими усами.

– А, это паренёк, что значки собирает, – весело произнёс он.

– У меня нет значков, мальчик. Иди домой спать, твои сверстники десятый сон досматривают, – грубо отреагировал длинный, как жердь, дневальный.

В это время сержант, видно, сжалившись над пацаном, отцепил со своего кителя нагрудный значок воина-спортсмена и протянул мальчику. Эрик механически взял значок, попытался ещё что-то объяснить, но его опять не поняли.

– Иди домой, детка. Наверное, мама с папой тебя уже ищут, – спокойно, по-отечески произнёс сержант и даже погладил по светлой голове мальчика.

Эрик повернулся и понуро поплёлся в сторону своего дома. По пути он то и дело оборачивался и с печалью в огромных глазах смотрел на КПП – до тех пор, пока высоченный дневальный не превратился в маленькую точку...

Беда не заставила себя долго ждать. Примерно через четыре часа из высокогорного города, превращённого азербайджанцами в опорную военную базу, в сторону полка полетели с леденящим душу шипением снаряды смертельной реактивной установки «Град». В воинскую часть попало одиннадцать из них, погибли два военнослужащих, одному оторвало ногу, и ещё десять человек получили тяжёлые ранения. Повезло, что командир полка провёл утренний развод на плацу быстрее обычного, в противном случае жертв было бы гораздо больше.

От ударной волны лопнули стёкла окон дома, где жил необыкновенный мальчик. Отец, насупив брови, старался сохранить честь мундира, не выдавая своего волнения. Мать молча, но явно напуганная и растерянная, подбирала веником осколки разбитого стекла и других предметов. Её смятение выдавала то и дело дёргающаяся в судороге спина. И только бабушка не скрывала эмоций: кряхтя, она чертыхалась в стиле ретро в адрес «варваров, потерявших всякую совесть»...

Мальчик целый день плакал невидимыми слезами. Он впервые столкнулся со столь неприкрытой жестокостью окружающего его материального мира. Особенно больно и обидно было за то, что его опять не поняли, не захотели поверить ему, и что он... не смог спасти от пожара этот мир. Сейчас он стал понимать деда, беспрестанно порицавшего войну.

Вскоре полк уехал. Начиналась длительная кровопролитная война...

2013 г.

Страх

«Величайший в мире страх – это страх перед мнениями других. В то мгновение, когда ты не боишься толпы, ты больше не овца, ты становишься львом. Великий рёв раздаётся в твоём сердце – рёв свободы».

Ошо

Откуда взялся этот Страх?.. Нет, конечно, страхи у него, как и у любого нормального человека, были от рождения. Но почему он вдруг превратился в их заложника? Почему стал физически осязать их и испытывать самую настоящую боль и другие неприятные ощущения даже от, казалось, несуществующих, воображаемых страхов? А ведь жили они себе довольно смирно где-то в подсознании и вдруг, как по команде, заворошились, повскакивали со своих мест, повывлетали из клеток, словно ящик Пандоры открылся.

Страхов, к удивлению, оказалось очень много: различных видов, мастей, цветов и оттенков. Со дна поднялись даже, казалось, давно забытые детские страхи, принимая сказочные образы дракона, ведьмы или чёрта. Были темпераментные, буйные страхи, были и тихие, уверенные в себе ужасы. Некоторые страхи, мок-

рые и липкие, наслаивались друг на друга, свивались в клубок, подобно спаривающимся змеям. А иные боролись между собой, словно стремясь выявить, кто страшнее...

Юра был сбит с толку. Раньше ему казалось, что вместе с взрослением и жизненным опытом человек избавляется от страхов, разве что остаётся лишь страх смерти. Оказалось наоборот...

Юра с детства боялся воды и не умел плавать. Теперь ему навязчиво представлялось, что он упал в глубокий грязный, заросший тиной бассейн, барахтается, делает судорожные движения руками и ногами, стараясь остаться на плаву и доплыть до бортика. Сверху на него смотрят чужие люди. Никто и не думает помочь ему. Может, не решаются – сами не умеют плавать, а может, их смущает мутная холодная вода... Но скорее, им нет дела до него. Вот кто-то даже ехидно улыбается и, наверное, в душе ликует, что он попал в столь унижительное положение. А Юре страшно и обидно, но больше стыдно – уж лучше уйти под воду...

С тех пор, когда однажды в школе в разгар весёлого маскарада внезапно вспламенилась новогодняя ёлка, внутри Юры поселился рыжий страх. И вот теперь в своём разболевшемся воображении он представлял вместо ёлки самого себя – его охватило пламя, и он горит, как полено в камине. Исступлённая фантазия не усмирялась, пока не превращала хозяина в горстку пепла...

Пуще огня Юра боялся высоты. Он жил на девятом этаже и всегда старался не смотреть вниз. А теперь и вовсе не выходил на балкон, ибо ему казалось, что земля вдруг потянет его мощной силой своего при-

тяжения и разобьёт о себя в лепёшку... Юра с ужасом представлял, как молча, чтобы не привлечь внимания соседей, камнем летит вниз, и сердце у него едва не останавливалось...

Да, у Юры был страх потерпеть крушение на глазах у всех, боязнь общественного мнения, которое было невидимо, но, подобно грубой толпе, готово было раздавить, накрыть дерьмом любого, кто попадал в его гущу. Он боялся показаться комичным, вызвать всеобщий смех. Не удивительно, что Юра даже мысленно обходил за километр... деревенские сортиры – их старьёй, прогнивший вид наводил на него ужас...

Стоит ли говорить, что необщительный от природы, страдающий комплексом неполноценности, Юра, которому казалось, что все только и делают, что оценивают его и думают исключительно о его недостатках, боялся отношений с противоположным полом. Он даже не мог заставить себя встречаться глазами с женщиной. Юра ужасался самой мысли о женитьбе и почему-то был уверен, что любимая женщина непременно изменит ему. Особенно он страшился красивых женщин – стоило ещё издали заметить привлекательную особу, как у него учащалось сердцебиение, по телу пробегали мурашки, предательски дрожали колени. Красивая женщина представлялась ему злой и коварной, как змея, готовая в любой момент нанести смертельный укол-укус...

Откуда же Юра такой взялся?..

В тридцать пять лет одинокая женщина, работавшая делопроизводителем в небольшой конторе, загорелась желанием родить ребёнка «для себя». Вскоре мечта её осуществилась. К тому же родился мальчик – будущая опора! Мать была счастлива вдвойне.

Между тем Юра рос без отца, не видел его даже на фотографии. Ему и отчество дали по бабушке. Существовал ли отец вообще? Говорят, когда ребёнок знает, что отец был, да ещё, как утверждает мама, лучший на свете, то тогда у него не появляется серьёзных психологических комплексов.

Мать Юры никогда сама не заговаривала об отце. На вопросы сынишки она придумывала разные небывлицы, типа того, что папа уехал далеко на заработки, чтобы закупить ему хороших игрушек. До семи лет Юра верил, что отец когда-нибудь приедет и они заживут вместе. Но отец так и не появился...

Юра любил и ненавидел маму одновременно. Роднее её у него в жизни никого не было, но подсознательно он винил мать в отсутствии отца. Юра чувствовал себя обделённым и остро переживал свою ущербность.

Мать же тянула в одиночку лямку быта как могла и, стараясь обеспечить единственного сына всем необходимым, хваталась за любую возможность подзаработать. Она очень любила и ревновала Юру, но опекала дитя чрезмерно, как-то гипертрофированно, карикатурно — не давала ему самостоятельно задышать, словно и не перерезала связывавшую их когда-то пуповину. Ей так и хотелось «спрятать» мальчика, заслонить, укрыть его от жизни. «Юрчик, надень комбинезончик, не то простудишься», — и это в середине мая, когда кругом всё цветёт и пахнет. «Смотри, в лужу не наступи...» А Юрчику, как другим ребятишкам, хочется пошлёпать по лужам.

Вольно или невольно мать постоянно внушала сыну страхи, большей частью нереальные и преувеличенные, а ребёнок принимал их за чистую монету. Не-

видимые и незаконнорожденные страхи откладывались в его подсознании. Не осознавая того, мать искусственно выращивала в сыне фобии. Ей казалось, что за каждым углом притаилась опасность, и она старалась контролировать любой шаг сына. Даже в туалет до шести лет его одного не пускала. Правда, однажды всё-таки пришлось оставить сынишку без присмотра, чтобы побежать в магазин за молоком. А Юре, как назло, приспичило по малой нужде. В ожидании мамы он начал делать нетерпеливые круги вокруг стола. Но её всё не было. С искажённым от боли лицом мальчик переминался с ноги на ногу, борясь с настойчивыми позывами мочевого пузыря опорожниться... Тут дверь наконец распахнулась вместе с тревожным возгласом матери: «Ой, Юрчик, ты цел?» Мальчик расслабился и помочился в штаны...

Для матери Юра всегда оставался ребёнком. Она неизменно провожала сыночка в школу, даже когда он учился уже в средних классах, просила учителей относиться к нему со всем вниманием. В переполненном транспорте мать могла попросить взрослых пассажиров уступить сыну-подростку место – якобы тому нездоровится. Сама она при этом готова была стоять у окошка со своими сумками, едва держась за поручень...

На переменах в школе Юра не бегал, не резвился, на классных вечеринках не танцевал, не веселился. Однако замкнутый и стеснительный Юра любил играть в придуманную им же странную игру под названием «В эту уж точно не влюблюсь...» И, приглядываясь к однокласснице поневзрачней, фокусируя своё внимание на её физических недостатках, будь то длинный нос или оттопыренные уши, подросток убеждал себя: «Нет, в неё уж точно не влюблюсь...» Но через несколько дней

Юра вдруг с изумлением обнаруживал, что влюбился. Влюблялся тихо, молча страдал, опасаясь, что кто-то, в том числе сам объект его необъявленной любви, узнает о его тайне. Но подавляемые противоречивые чувства, переполнявшие подростка, выплёскивались в воображаемые ситуации. Тут Юра, считавший себя некрасивым и остро переживавший реальные и мнимые изъяны своей внешности, всегда был на коне, неотразимым и непобедимым героем. Игра воображения доставляла ему удовольствие и приносила успокоение, сглаживала чувство одиночества и непонятости.

В своё личное пространство – мир фантазий, где чувствовалось легко и комфортно, Юра никого не пустил. Но однажды, лет в пятнадцать, он раскрылся матери относительно новой платонической пассии. Объятая ужасом мать явилась на следующий день в школу и попросила девушку, которая даже и не подозревала о чувствах Юры, не охмурять сына... От стыда Юра слёг в постель на целую неделю – его хрупкий внутренний мир был разрушен...

Чрезмерное проявление родительской заботы мешало Юре расти. По паспорту ему уже было восемнадцать, а по уровню зрелости и зависимости от матери – лет десять. Даже по форме тела Юра напоминал большого ребёнка – мать не позволила ему развиваться как мужчине. Когда подошло время, она освободила его от службы в армии, как единственного своего опекуна (на фоне тотальной опеки с её стороны это звучало смешно!), устроила ему инвалидность и небольшую пенсию...

Проходили годы, а Юра, вечно маленький мальчик, привыкший, что ответственность за него всё время берёт на себя кто-нибудь другой, а именно – мать, плыл

по течению, не особо задумываясь о своём будущем. У него не сложилась ни личная жизнь, ни профессиональная карьера. Не обделённый умом, Юра дотянул лишь до второго курса университета. Ему не сиделось на лекциях, было лень учиться, а такого весёлого предмета, как физкультура, он и вовсе боялся. Ничто, даже постоянные «незачёты» и угроза отчисления, не могли заставить его появиться перед сокурсниками в спортивных трусах...

После отчисления из университета Юра, опасаясь гнева матери, некоторое время имитировал посещение занятий. Но вскоре тайна раскрылась, а родительница чуть инфаркт не схватила.

Юре уже было под тридцать, когда неожиданно скончалась мать. Он никак не мог осознать произошедшее, походил своими неуверенными, словно во сне, движениями и жестами на неудачливого спортсмена, едва поднявшегося из глубокого нокдауна. Соседи помогли организовать похороны, достойно предать женщину земле. До сороковин они утешали Юру, помогали, чем могли. Старушка из квартиры напротив каждый день приносила ему горячий жидкий обед. Но вскоре соседи погрузились в свои повседневные заботы, а Юра остался наедине с проблемами, от которых так тщательно оберегала его всю жизнь мать. Боль притупилась, но взамен обострилось ощущение беспомощности и ненужности. Связь с внешним миром Юра поддерживал единственно через соседского мальчишку, который пару раз в неделю покупал ему хлеб, кефир или кусок сыра на скудную пенсию по инвалидности.

Тем временем Юра всё глубже погружался в болото негативных эмоций, переживаний и тревог. Удушье, приливы жара и холода, головокружение и другие не-

приятные ощущения мучили его постоянно. Порой он пытался найти спасение в прошлом, ища там что-то светлое и обнадеживающее. Самым ярким и чуть ли не единственным воспоминанием были редкие дни, проведённые летом в деревне у давно уже почившего дедушки. Внешне неказистый, но уютный внутри домик с железным красным петушком на крыше, золотой диск солнца в ясном небе, лучезарный полдень, чистый воздух, наполненный трелью птиц, жужжание пчёл, стрекот кузнечиков в зелёной травке, по которой можно было прогуляться босиком... Обычная деревня со своими прелестями и недостатками, но Юра чувствовал здесь невиданную свободу... Теперь всё это казалось было из другой, далёкой и чужой жизни...

Одиночество, в котором заперся Юра, лишь усилило страхи, появились новые. Мог ли он предположить, что станет бояться и закрытого пространства? Тех самых четырёх стен, в которых сам себя замуровал в подсознательной надежде обезопасить себя. Всё вокруг раздражало Юру. Недовольство вылилось в не свойственную ему агрессию: он бранил непривычными для себя матерными словами картины, статуэтки, посуду. Особенно доставалось большим настенным часам с маятником. Их монотонный бой, выкрадывающий среди бела дня секунды, минуты и часы отпущенного земного времени, усиливал чувство безысходности и страх перед будущим. Юра заставил замолчать часы, разбив их шваброй. Но потом стала давить безжизненная тишина, и, борясь с ней, Юра стал громко разговаривать с собой, спорить с кем-то невидимым.

Появилась боязнь уснуть – по ночам снились кошмары. Юра не раздевался, лежал большую часть ночи с открытыми глазами, словно готовый по сигналу вы-

бежать из дому. Порой нервно вскакивал с кровати, но к окну не подходил, боялся заглянуть за стекло, особенно в сумерках, ибо ему казалось, что кто-то оттуда наблюдает за ним, и если он раздвинет штору, то наткнётся на взгляд, подобный обращающему в камень взору горгоны Медузы...

А в светлое время суток преследовали галлюцинации. Одна из них повторялась часто – красивая ведущая с экрана давно не работающего телевизора звала поцеловать его, указывая пальцем на правую щёчку и подмигивая при этом. В такие минуты Юра застывал в ступоре с растерянно-глупой улыбкой на лице...

Страх блокировал разум, а вскоре и вовсе заменил его. Наслаиваясь друг на друга, эмоции превращались в реальную силу и уже сами формировали будущее, вернее, его отсутствие. Юра окончательно потерял ту невидимую, почти неуловимую нить, которая связывает человека с действительностью. Окружающий мир казался нереальным, отдалённым, а собственные действия – чужими.

Юра и внешне изменился до неузнаваемости – от его упитанной женской фигуры остались кожа да кости, лицо неестественно осунулось, нос заострился. Из-за страшной худобы одежда висела на нём мешком.

Обросший волосами до самых глаз, безжизненных, воспалённых, испещрённых красными прожилками, он теперь боялся и собственного отражения в зеркале. Казалось, Юра и был сам Страх... А за плотно зашторенным окном, к которому он боялся приблизиться, был свежий воздух, пели птицы, и жизнь, такая недоступная теперь для Юры, шла своим чередом...

Но однажды ночью кто-то позвал его снаружи. Юра, казалось, ждал этот голос. Неожиданно легко он

поднялся с кровати и плавно, подобно лунатику, направился в сторону балкона.

На холодном небе одиноко светила какая-то необычная, красная луна, свет которой придавал одинокой мрачной человеческой фигуре ещё большую мистичность. Юра поднял мёртвый взгляд вверх, на верного спутника земли, тяжело перевёл дыхание и, взглянув в притягивающую пустоту, перевалился за перила. Но как-то не сразу он пошёл вниз – некоторое время его невесомое тело словно парило в воздухе на неподвижно распростёртых крыльях. Со стороны могло показаться, что это не человек бросился с балкона, а с бельевой верёвки сорвался балахон...

К удивлению, не было никакого страха. На миг в голове у Юры просветлело, и он понял, что наконец избавился от всех преследовавших его ужасов и обретает настоящую свободу. От охватившей его радости он закричал, вернее, попытался сделать это, но вышел какой-то сдавленный хрип. Юра, кажется, даже взмахнул, подобно раненой птице, руками-крыльями, пытаясь остановить свой роковой полёт. Но было уже поздно...

Жалобный собачий вой пронзил темноту. Как по отмашке дирижёра, этот одинокий вопль подхватило истошное завывание невидимого бродячего псиного хора...

Небольшое послесловие

Дорогой читатель, на самом деле персонажа моего, признаюсь, мрачного рассказа не существовало. Это гиперболизированный трагический образ, жертва обстоятельств и воспи-

тания. Он может вызвать жалость, сочувствие и даже страх. Конечно, я был определённо жесток, позволив себе выставить своего незадачливого героя (впрочем, признаемся, в каждом из нас есть что-то от него) в столь невыгодном свете, навешав на него все страхи мира. Но...

К проблеме страха в той или иной мере я не раз обращался в своих повестях и рассказах. На этот раз я решил сконцентрироваться на этом загадочном и неоднозначном явлении, его влиянии на жизнь и судьбу человека. Углубившись в образ и нагнетая, во многом искусственно, страсти, я всего лишь хотел как можно полнее показать ту тёмную сторону человеческого сознания, которая порой пытается взять верх над нами, потушив в нас всё светлое и доброе, подавить нашу волю, заключая её в свои ледяные тиски...

В то же время надо признать, что страхи сопровождают нас всю жизнь, взрослеют вместе с нами, и их надо уважать, но не бояться. Со страхами надо считаться, ибо при правильном обхождении с ними они часто помогают нам преодолевать различные сложные жизненные ситуации, выживать и побеждать.

Иначе говоря, человек должен управлять страхами, а не страх человеком, ибо уступить страху – значит поступиться свободой, добровольно отказаться от неё, превратиться в безвольного раба.

Думаю, такая перспектива никому не нужна.

2014 г.

Беженка

Самолёт терпел крушение. По всей видимости, в двигатель попала птица. От сильной вибрации с полок в салоне стали падать ручная кладь и личные вещи нервно заёрзавших в своих креслах пассажиров. Ещё минуту назад старшая бортпроводница Карина, тонкие черты лица которой периодически освещала симпатичная, несколько наигранная улыбка, беспечно приветствовала пассажиров и желала им приятного и безопасного полёта. Теперь она, пытаясь не выдать собственного волнения, делала всё, чтобы успокоить людей, не дать им поддаться панике.

– Уважаемые пассажиры, прошу оставаться на своих местах, – Карина старалась придать своему голосу убедительный тон. – Сохраняйте хладнокровие. Самолёту ничто не угрожает...

Стюардесса наклонилась к отчаянно заголосившей девочке лет пяти, погладила её пухлую, мокрую от слёз щёчку, а перед её глазами вдруг встали крупные чёрные глаза собственного двухлетнего сынишки. Просверлила мысль: «Отца нет, теперь вот и мать погибает...»

Говорить о Боге и молиться в те времена воспрещалось, но Карина, впитавшая веру от набожной ба-

бушки, горячо помолилась про себя... «Пронесёт ли и на этот раз?..» Тогда, год назад, воздушному судну с трудом удалось выбраться из грозowych облаков. «Сохрани, Господи, защити!» – Карина подавила отчаянной мольбой предательскую мысль...

Чудо свершилось – пилот выровнил самолёт, набрал скорость. А через неделю Карина ушла из авиации и стала нянчить сына...

С тех пор прошло немало времени, много воды утекло. Жизнь круто и совершенно неожиданно изменилась: теперь бывшая бакинка и стюардесса Карина относилась к одной из самых ущемлённых и проблемных категорий населения послевоенного региона, с лихвой испытавшей на себе все ужасы, тяготы и лишения войны. Она была беженкой и никак не могла привыкнуть к своему статусу, к унижительному ярлыку, намертво приклеившемуся к ней, её детям и родным. Прежняя жизнь казалась ей далёким сном...

Уже на третий год замужества, почти сразу же после рождения ребёнка, ей пришлось развестись с мужем. Карине не хотелось бросать престижную, элитарно-романтическую в те времена работу даже ради любимого ребёнка. Она собиралась нанять няню для ухода за сынишкой. Муж был категорически против, упрекал её в эгоизме. Арнольд и раньше был против ненормированного, рваного ритма работы летающей жены, беспокойно относился к её перманентному отсутствию и надеялся, что появление детей «приземлит» её. Не тут-то было. Ведь Карина прошла строжайший конкурс, и комиссия отобрала всего трёх из тридцати девушек, мечтавших стать стюардессой. Разве она могла забыть то трепетное, неземное чувство, с которым впервые примерила лётную форму, плотно об-

лежавшую её ладную, воздушную фигуру? С каким нетерпением молоденькая стюардесса ждала первого полёта, а затем – нового рейса!..

После очередного семейного суда оскорблённый отец ушёл из дому и не появлялся почти месяц. Пошли слухи, что он сошёлся с другой женщиной и живёт у неё. Как-то вечером Арнольд пришёл подвыпивший и, всячески стараясь скрыть этот очевидный факт, молча подошёл к кровати сынишки, потрепал его по щеке, сунул под подушку червонец с изображением вождя мирового пролетариата и так же, не произнося ни слова, ушёл с кривой улыбкой на небритом лице, даже не взглянув в сторону жены.

Во второй раз Арнольд выглядел каким-то пришибленным и сиротливым, словно хотел что-то сказать, но не решался. Посидел немного у кровати, поигрался с малышом, затем тяжело поднялся и неожиданно закатил истерику, стал кричать и ругаться, обвинять Карину в том, что она сломала ему жизнь. Арнольд до того наэлектризовался, что не замечал громкого плача ребёнка и даже замахнулся, чтобы ударить жену, но рука застыла в воздухе в каком-то неестественном положении... Муж, с этого момента теперь уже бывший для Карины, хлопнул дверью собственного дома и ушёл...

В этот миг Карина поняла, что не сможет жить в одном городе с раненым в душу супругом, и вскоре уехала с двухгодовалым сыном в Душанбе к родственникам. Там ей помогли устроиться на работу в текстильное предприятие, предоставили комнату в общежитии. В Душанбе Карина прожила 11 лет, родила ещё одного сына, однако не стала связывать себя узами Гименея с гражданским мужем – земляком, рабо-

тавшим на том же предприятии. К тому времени в Баку скончался отец, и Карина решила вернуться к овдовевшей матери.

Шёл 1989-ый год. Город внешне мало изменился, но в воздухе чувствовалось недоброе. По дороге из аэропорта Карина заметила кучкующихся здесь и там людей. Усатый шофёр в кепке-аэродроме был угрюмо молчалив, ничего не стал объяснять и даже ни разу не оглянулся на явно взволнованную женщину с детьми.

Вместо радостного приёма мать как-то обречённо выдохнула: «Зачем ты приехала?» – и беспомощно упала в объятия дочери.

После погромов в Сумгаите бакинские армяне были явно встревожены. Ощущалась надвигающаяся гроза.

Уже на следующий день после приезда Карина стала свидетельницей того, как из институтского общежития напротив их дома студенты-азербайджанцы выкрикивали в адрес армян непристойности и угрозы. И это почти в самом центре «интернационального» города, рядом с кинотеатром «Дружба». Карине, выросшей в духе культивируемой в школе «дружбы народов», это казалось неестественным и диким...

Вскоре угрозы перебрались с улиц на страницы газет и телевидение. Провокационные заявления о том, что Баку заполнен бездомными беженцами из Армении, а армяне живут в комфорте, фактически был призывом к действию. Напряжение во взбудораженном обществе росло с каждым днём. Мрачные группы людей подозрительно озирали микрорайоны, где проживали армяне. Новая волна массового насилия становилась неизбежной...

Как-то жалко сгорбившись, успевшая состариться за годы разлуки мать собирала с блестящими от слёз

глазами посуду, вилки, ложки и клала их в коробочки, что-то приговаривая себе под нос. Она с тоской посмотрела на импортный гарнитур, приобретённый с большим трудом. Чтобы купить его, мужу пришлось продать малоезженный «Москвич». В душе мать надеялась, что когда-нибудь вернётся обратно...

Однако судьба распорядится иначе: им больше не будет дано видеть свой дом и город, который считали родным. Но вещи, большая часть оставленного в Баку имущества, удивительным образом сами найдут хозяев — поселившая в армянской квартире азербайджанка с помощью русских соседей отправит их контейнером в Москву, а оттуда они будут доставлены в Армению. Карине и её родным повезёт несравненно больше тех соотечественников, которые спустя пару месяцев будут насильно изгнаны из своих домов. Не всем им удастся вырваться из бакинской мясорубки, а многие погибнут по дороге или спустя некоторое время у приютивших их на армянской земле родственников, не оправившись от пережитого...

А пока, взяв с собой всё самое необходимое, Карина вместе с матерью и двумя сыновьями доехали на машине дальнего родственника до границы Армении, где их встретил муж сестры и перевёз на своём грузовике в маленькую горную деревушку. Поселили в доме, где раньше жили азербайджанцы, выехавшие отсюда месяцем раньше...

Дерево с подрубленными корнями — не жилец. Человек живёт.

Поначалу было крайне непривычно и страшно жить в незнакомом месте, начинать всё с нуля. Трудно было осознать и принять новое положение. Ныла незаживающая рана памяти. Периодически охватыва-

ло чувство нереальности: в каком-то полусне Карине казалось, что она забыла нечто важное, какую-то заветную вещь, что кто-то зовёт её сзади, чтобы передать забытый предмет. Оставалось только обернуться и принять его, но какая-то сила не позволяла делать это...

В деревне поселили ещё несколько таких же обездоленных семей. У этих людей разом отняли всё: добро, нажитое честным трудом, крышу над головой, веру в человеческую справедливость. И сейчас они пытались обосноваться на новой, одновременно родной и чужой земле, пустить в неё новые корни. Среди них были молодая женщина с грудным ребёнком, многодетная мать, одинокие старики...

Сами коренные жители села относились к переселенцам хорошо, с сочувствием, дали посуду, кое-какую одежду, делились едой. И лишь одинокий, слегка тронутый умом старик Андо, перебивавшийся на подачки сельчан, принял их враждебно. «Тюркское отребье», – зло бурчал он, когда прибывала новая машина с несчастными людьми. Он считал их лишними ртами и видел в них конкурентов для себя...

Деревня располагалась на отшибе. Казалось, что находишься на краю земли. Время было лихое, предвоенное. Каждую ночь выставляли дозор, защищая деревню от непрошенных гостей. У кого-то были охотничьи ружья, кто-то вооружился вилами, граблями и лопатой.

Старший сын Карины – Карен, у которого под носом уже пушок пробивался, дежурил каждую ночь бессменно. Днём, после занятий в школе, он любил бродить по горам, собирал лесные фрукты, орехи и ягоды, тащил на спине связку хвороста, чтобы нато-

пить печку для захворавшей и вечно мёрзнувшей бабушки. Он был не по годам взрослым и чувствовал ответственность не только за домочадцев, но и соседей, которым охотно помогал, чем мог.

Сельские власти дали переселенцам корову, птицу на развод. Карина никогда в жизни не доила, поначалу она даже побаивалась подойти к корове. Больная мать с хроническим отёком ног была не в помощь, но тут неожиданно пришёл ей на подмогу младший сын Гамлет, которому едва стукнуло 8 лет. Как в мультфильме, он то удерживал корову за хвост, то ласково уговаривал её, поглаживая по животу, то пел ему весёлую песенку. Потихоньку нашли общий язык с животным, и у них появились не только молоко, но и мацун, сметана. Делились, если кто-то из соседей нуждался. Старик Андо перестал ругать «пришельцев», потому что теперь и они угощали его. Карина часто готовила для него паёк и отправляла с Гамлетом.

Удивительно, но тяжёлая жизнь сделала Карину сентиментальной. Как-то во дворе она случайно разворошила муравейник и, видя, как встревоженные муравьи спешат спасать белые, крупнее них самих яйца, таща их в безопасное место, неожиданно разрыдалась.

«Разве они могли предвидеть беду? Откладывали яйца, чтобы вывести потомство... Вот так же разорили, разворошили дома людей...» — плакала она.

Но именно сострадательность помогала людям выжить в это непростое время. Чужой беды не было — все жили одной семьёй.

Однажды в сумерках раздались вопли: «Умирает ребёнок, помогите!» Карина выбежала наружу. Беженка-соседка с застывшим ужасом на бледном лице жестом пригласила в дом. На кровати лежал посинев-

ший полугодовалый ребёнок с глазами навывкате. «Постоянно плачет и грудь не берёт», – пожаловалась растерявшаяся мать.

Родительский опыт и навыки медсестры, обязательные для прежней работы бортпроводницы, позволили Карине быстро сориентироваться. Она распеленала ребёнка, тихонечко пощупала его вздувшийся животик.

– Приготовь клизмочку, нагрей немного воды, – распорядилась Карина и уже через несколько минут, набрав в резиновый баллончик тёплой воды, смазала наконечник растительным маслом.

Очистительная клизма дала должный эффект – освободившись от давившего его изнутри груза, ребёнок жадно присосался к материнской груди и долго ещё не отрывался от неё...

А когда не хватало продуктов, соседи собирались вечерами, накрывали длинный общий стол, выкладывая последнее, и начинался ужин под тусклым светом керосиновой лампы – скудный, но делающий всех ещё ближе. Делились последним куском хлеба и радовались, что и на этот раз было что положить в рот. Это был некий коллективный ритуал, дававший силы и веру в завтрашний день...

Помимо бытовых проблем, переселенцам приходилось преодолевать и языковой барьер. Все они выросли и жили в русскоязычной среде. Карина почти не знала армянский язык, была бессильна помочь детям в учёбе. Но зато она прекрасно владела русским языком и взялась учить деревенских детей стихотворениям, песням, ставить спектакли по русским сказкам и небольшие сценки по собственным нехитрым сценариям. Зимой, когда в сельском клубе становилось очень

холодно, а дров не хватало, Карина собирала детей у себя в доме, топила печку и начинала захватывающие, забавные занятия.

Зиму пережили, но вот долгожданная весна обострила болячки людей. Тяжелее всех приходилось пожилым людям. В ночь на восьмое марта мать Карины внезапно скончалась – не выдержало сердце. Хоронили всей деревней. Горевали все, но особенно скорбили беженцы: у них здесь появилась первая могила...

Тем временем в Карабахе начиналась настоящая война. Всё взрослое мужское население края встало под ружьё. Карина знала, что в Степанакерт переехал и Арнольд. Любовь к нему не погасла окончательно, теплилась тлеющими угольками и со временем преобразовалась в какое-то надломленное чувство, скорее – жалость. Несмотря на личную обиду, она переживала за бывшего супруга, хотя у того была уже новая семья, двое сыновей, почти погодков Гамлета.

Но гораздо сильнее пришлось поволноваться за Карена: не предупредив, он, выглядевший старше своих семнадцати лет, ушёл вместе с группой добровольцев в Карабах. Возможно, позвали родная кровь и скрытая сыновья тоска (сама Карина воспитывала сына в духе уважения к отцу и говорила о нём только хорошее).

Что оставалось делать бедной матери, как не отправиться вместе с младшим сыном за старшим...

Всегда опрятный, зелёный и красивый Степанакерт был беспощадно растерзан молодым хищником-войной. Всюду бросались в глаза следы артиллерийских обстрелов и авиабомбёжек: разрушенные дома, пустые глазницы окон, завалы и ямы. На дне одной из ямин в центре города виднелась вертикально воткнутая в землю железная кровать, вернее, то, что оста-

лось от неё. Бомба попала прямо в небольшой жилой дом — чудовищная сила в один миг вмяла глубоко в землю то, что старательно строилось человеком годами.

Жизнь города давно сбилась с привычного ритма: не работали предприятия и школы, не функционировал общественный транспорт. Вместо автомобилей на улицах города можно увидеть всадника на коне или осле. Это были беженцы из сёл. Их называли «внутренне перемещёнными лицами». Если беженцы были вынуждены оставить родные очаги и податься в поисках пристанища к «дальним берегам», втайне лелея надежду хотя бы на время стать «своим» среди чужих, найти поддержку и сочувствие, то эти люди подались из захваченных противником сёл в глубь территории республики, в более или менее защищённую её часть, надеясь на милость соотечественников, находившихся не в лучшем положении.

Людей с клеймом беды и несчастья на лицах было очень много, и ютились они где попало. Нередко местом для ночлега им служил городской газон, на котором днём пасся пригнанный из деревень скот. Разгромленному, полуголодному Степанакерту эти люди были в тягость...

Карина с сыном приютились в сыром и тёмном без окон подвальном помещении городской газовой конторы. Стены в трещинах, влажность, тараканы... Но иного выбора не было.

Однако страшнее всего были обстрелы, которым город подвергался каждый день. Окружавшие Степанакерт сёла и высокогорный город Шуши были превращены противником в военные базы, откуда столица едва провозглашённой республики планомерно

уничтожалась, сначала из относительно безобидной «Алазани», затем из реактивной системы залпового огня «Град». На людей сыпались смертельные градины. И задачей жизненной важности для стихийно, но вполне закономерно образовавшихся сил самообороны стало подавление этих смертоносных очагов....

За три месяца Карина всего дважды видела старшего сына. Он, казалось, резко вырос, возмужал. Потёртая афганка плотно облегла его крепкую фигуру. Загорелое лицо, покрытое первой бородой, выражало уверенность и даже некоторую браваду. Чувствовалось, что его переполняет радость от первого выдержанного серьёзного испытания – накануне их отряд участвовал в освобождении пригорода Степанакерта. Переживая за сына, мать одновременно гордилась им и немного удивлялась его столь большой любви к родине, на которой он не родился и не жил, равно как и огромному чувству ответственности, которое было воспитано не в семье и не в школе...

Вскоре Карина с Гамлетом перебрались из сырого помещения газовой конторы в однокомнатную квартиру в одном из домов в нижней части города. Пожилого хозяина родственники взяли в деревню для безопасности, а квартиру сдавали в аренду по символической цене.

Тем временем обстановка в столице юной республики продолжала оставаться крайне тяжёлой, и если к блокаде и полуголодному существованию ещё можно было как-то привыкнуть, то к обстрелам и бомбёжкам, несущим новые смерти и разрушения, – нет. Артиллерийские обстрелы из Шуши, откуда столица была как на ладони, каждый день уносили чьи-то

жизни, не спрашивая ни возраста, ни фамилии, ни должности...

Когда начинался обстрел, Карина с Гамлетом спешили в подвал. Бывало, Гамлет выбегал обратно во двор собирать оставшихся без призора детей, которые не успевали укрыться или же, не осознавая серьёзности положения, застыв на месте, глядели в небо, за-гипнотизированные звуком летящего снаряда и собственным любопытством. Материнский инстинкт, невзирая на смертельную опасность, заставлял Карину выбегать за сыном, спасать детей, родители которых в это время то ли сами не успели спуститься в подвал, то ли уже успели укрыться...

Шуши освобождён! Радостная весть о взятии, казалось, неприступного города-крепости долетела стремительнее смертельных снарядов. Мощные стены не выстояли перед справедливо возмущённой волей человека.

В этот день по всему Степанакерту раздавались победные залпы из автоматов, люди ликовали. Карен вернулся с усталым, но сияющим лицом, чтобы на следующий день снова уйти – предстояла не менее судьбоносная битва за Лачин, взятие которого позволило бы прорвать блокаду, душившую людей на протяжении долгих лет...

Карина вместе с другими матерями с замиранием сердца ждала вестей с фронта, где разворачивались ожесточённые бои. И вновь победа! И вновь ликование! Однако...

Вместо сына пришли командир и старшина. Пока после естественной в такие минуты паузы ей сообщили, что Карен ранен и перевезён в госпиталь, Карина лишилась чувств. Для неё мир вдруг рухнул – ей показалось, что сына нет. ...

В палате военного госпиталя было много раненых. В воздухе стоял тяжёлый кисловатый запах крови. Карина, с трудом совладав с накотившими эмоциями, суетливо бегала глазами по койкам. Она узнала Карена по широко раскрытым, зовущим чёрным глазам — остальное было забинтовано. Многочисленные раны были по всему телу — боец попал под миномётный огонь, чудом выжил. Мать собралась с силами: она должна была помочь сыну выкарабкаться...

подавив в себе стыд, Карина попросила бывшего мужа на время приютить у себя Гамлета, а сама не покидала госпиталь, проводила там дни и ночи, зачастую бессонные. Помогала она и другим тяжелораненым, подавала воду, кормила, мыла им ноги. Она пыталась заменить им отсутствующих родителей. Помогая другим, Карина искренне верила, что Бог поможет выздороветь и её сыну.

От юной красотки-стюардессы в ней не осталось ничего: поседели волосы, в уголках глаз появилась заметная сетка морщин. Однако Карина относилась к категории людей, которые всегда кажутся красивее, чем есть на самом деле. Их недостатки не замечаешь, так как они сияют внутренне, и этот свет растворяет в себе все изъяны. Более того, внешне Карина стала благородней. Какая-то благодать отражалась на её лице, во взгляде, в движениях, жестах...

Как-то ночью в госпиталь доставили нового раненого. Это был худой паренёк, весь синий от потери крови. Ему срочно требовалась донорская помощь. У Карины сердце защемило, когда она взглянула на сомкнутые безжизненные веки бойца, густые тени под глазами. Смерть стояла за порогом и ждала его... Несмотря на склонность к анемии, Карина, не раздумыв-

вая, предложила свою кровь. Группа и резус совпадали, но врач, опасаясь за её здоровье, воспротивился. Карина стала настаивать:

– Где вы сейчас найдёте нужную кровь, доктор? Умрёт ведь... – эмоционально, сбивчиво убеждала она. – Поверьте, его спасёт именно моя кровь... Я чувствую это... Он ведь сирота...

Позже выяснилось, что у Александра, беженца из Баку, действительно, не было близкой родни. Отец умер в автомобильной катастрофе достаточно молодым, а мать, не выдержав пережитого во время погромов в Баку, скончалась по дороге в Степанакерт, не доехав до города всего два-три десятка километров. В Степанакерте Александр поселился у дальних родственников, а когда началась война, вступил в одну из рот пехотинцем. Затем в подразделение поступила техника и, с учётом знаний и навыков, его назначили механиком-водителем БМП. В одном из боёв боевую машину подбили, Александр чудом остался жив. Карина была счастлива, что помогла этому чуду окончательно свершиться...

Потом, когда её сын Карен встал на ноги и, ещё не полностью оправившись, вернулся к боевым товарищам, какая-то сила продолжала тянуть Карину в госпиталь. Как только по радио передавали, что раненым необходима кровь, она спешила туда, хотя ей самой не хватало здоровья. Её кровь помогла спасти ещё две молодые жизни, но у неё самой стала прогрессировать анемия. Карина слегла в больницу, однако за всё время лечения она ни минуту не жалела о том, что поделилась своим здоровьем с другими. Чувство нужности людям, помимо прочего, помогало бороться с комплексом «беженца»...

Тем временем в Карабахе наступила первая мирная весна. Вернее, это была весна перемирия – суррогата мира. После четырёх лет войны она казалась неестественной без разрывов снарядов, без ежесекундного ожидания смерти, без плача и боли. Оживились лица людей, соскучившихся в подвалах по естественному свету и теплу, по настоящей весне.

С весной жизнь в городе обрела новые контуры, новое содержание. В школах возобновились занятия, уцелевшие цеха предприятий стали налаживать производство. Распахнул двери перед покупателями знаменитый до войны городской универмаг, пока с полупустыми полками. Зато оживилась частная торговля – большей частью кустарщина, «экспонаты» прежних времён и ветошь в стиле «ретро», вынесенная из домов. Саркастическую улыбку прохожих вызывали «натуральные» куриные яйца из деревень – по 30 драмов за штуку – серьёзные в те времена деньги. Кому-то не терпелось разбогатеть....

Дав новый импульс жизни, новые надежды и перспективы, весна одновременно оголила и многие язвы, многие проблемы. Послевоенному обществу предстояло не менее трудное испытание миром, и если секретом успеха на войне были коллективизм и сплочённость, то теперь, в условиях рыночных отношений, на первый план выдвинулись индивидуализм и деловитость...

Карен остался на военной службе. Пройдя офицерские курсы, он получил погоны лейтенанта и взвод под командование. Большую часть времени молодой офицер проводил на постах – хрупкий мир перемирия таил в себе немало опасностей и требовал от военнослужащих, несущих боевое дежурство на передовой линии, не меньших усилий, чем на войне.

Тем временем Карине предстояло поставить на ноги Гамлета. Из-за языковой проблемы ей трудно было устроиться на работу. В то же время она понимала, что понятие «беженец» не должно стать образом жизни, что общество не примет её, не поймёт и не пожалеет, если будет сидеть сложа руки и ждать помощи. Она прекрасно осознавала, что комплекс беженца не должен передаваться по наследству детям, в противном случае они будут чувствовать себя чужими среди своих сверстников...

Поразмыслив, Карина рискнула заняться предпринимательством и, заняв под проценты 100 тысяч драмов, взяла в аренду небольшое помещение под продуктовую лавку. В месяц два-три раза она ездила с соседом-водителем грузовичка в Армению, покупала на крупных рынках фрукты и овощи, рыбу, привозила в Степанакерт и продавала с надбавкой в цене, которая позволяла покрыть расходы на приобретение и перевозку товара и получить, пусть и скромную, но прибыль. Невзирая на нужду и оживление материалистических инстинктов, характерных для любого послевоенного региона, Карина работала честно, не обманывала покупателя, а в определённом смысле даже помогала ему. Она тщательно выбирала на рынке товар, строго и внимательно оглядывая его со всех сторон, старалась привезти его в целостности и сохранности. Вскоре у неё появились постоянные покупатели. Несмотря на нехватку денег у горожан, товар шёл нарасхват. Дело пошло, Карина вернула долг и заняла более солидную сумму. Она уже строила конкретные планы на будущее: женить Карена, дать университетское образование Гамлету и, наконец, обзавестись собственным жильём.

Тем временем в гости к Гамлету всё чаще стали приходиться сыновья бывшего мужа, который никак не мог адаптироваться к новым реалиям и бедствовал. Они смотрели голодными глазами, и Карина, не делая различий между ними и собственными детьми, доставала из кухонного шкафа всё, что было, накрывала на стол. Нередко она посылала им через Гамлета пакет с овощами и фруктами. Карина вновь чувствовала свою нужность людям, и это давало ей силы и веру в будущее...

Но однажды случилась беда: из дома пропали все деньги. Куда-то делись и дети Арнольда, они вдруг перестали ходить в гости...

Как и семь лет назад, когда к ней прилепилось это непривычное и унижительное слово «беженка», Карина вновь осталась без средств к существованию, более того — теперь уже с долгами на шее. Вновь рухнули мечты. Хуже того — её ожидало новое, неженское испытание: Карина оказалась в следственном изоляторе. На этом настоял кредитор, достаточно влиятельный человек. Он рассчитывал на то, что, взяв женщину в заложники, заставит её родственников скорее выплатить ему долг. Опять в некоем гипнотическом полусне кто-то звал её сзади, чтобы передать забытую вещь, и оставалось лишь обернуться и принять её, но какая-то сила не позволяла делать это...

Лишь через две недели, когда старший сын при помощи друзей покрыл большую часть долга, Карина была выпущена на свободу. За время неволи она заработала микроинфаркт, а на душе у детей прибавилась незаживающая рана...

Прошло ещё семь лет. Седовласая полноватая женщина с выразительными глазами и печатью нелёгкой

жизни на лице бережно вытирала пыль на серванте. Квартира – всего одна комната и кухня, – но своя. Государство выделило – руки дошли и до беженцев. Теперь у Карины была собственная крыша над головой, свой маленький уголок в большом, капризном и часто безрассудно жестоком мире. Теперь она не беженка...

На серванте стояли две большие фотографии. На одном – Карен в военной форме. Сейчас он учился в военной академии в России на старшего офицера. Младший сын – Гамлет – оканчивал один из экономических вузов в Армении, куда поступил по государственному заказу. Специалисты как воздух были нужны восстанавливающемуся от ран войны Карабаху. Карина поцеловала по очереди обе фотографии, ласково провела по ним рукой и бережно поставила на место.

Мать ждёт не дожждётся возвращения сыновей. Теперь они будут надёжной опорой ей. Теперь они будут защищать и возрождать СВОЮ родину, обрётённую с таким трудом...

2014г.

Некоторые размышления автора

«Человек – как некий резервуар, не стеклянный, железный или глиняный, а сплетённый густо из живых нервов, которые нуждаются в постоянном поливе. В противном случае они, ноя, умирают. Вот несправедливость: эта прозрачная жидкость, сама так любящая свободу, сделала человека навеки своим рабом!..»

(Рассказ «День рождения»)

«Можно по-разному определять войну... К примеру, это грохот разрывов, шум моторов, боль, крики, страх и, наконец, смерть, вечно крадущаяся по пятам и выбирающая подходящий момент для того, чтобы выхватить тебя из жизни... Но всё это, пожалуй, лишь атрибутика войны, а сама смерть – наёмный служака и временная приспешница войны... О войне я думаю как о реальном существе и давно пытаюсь понять, а вернее, разоблачить это существо...»

(Рассказ «Сон фидаяна»)

«Ночь на посту – время... философское. Не только предельного напряжения, физического и душевного, требует она, но и настраивает на размышления об извечных вопросах о Боге, человеке во времени и пространстве, о жизни и смерти...»

(Рассказ «Ночь на посту»)

«Умирая, звёзды падают вниз. Люди же возносятся, наверное, чтобы жить дальше, в другом измерении, в другом качестве...»

(Рассказ «Ночь на посту»)

«...По большому счёту, человек человеку, наверное, все-таки не волк, и во всём, в данном случае, виновата война. Это она разводит людей по разные стороны баррикад, часто не спрашивая фамилии их и национальности».

(Рассказ «Ночь на посту»)

«Помимо писаных законов, в жизни были и сотни неписаных правил и норм поведения. Всё в жизни перемешивалось и переплеталось, накладывалось одно на другое, объединялось, образуя где-то на время мощь и силу, и, наоборот, боролось и сталкивалось, расшибалось, разрушаясь, разделяясь, расшепляясь, растворяясь, превращаясь в ничто, или почти в ничто. То, что вчера казалось неизбежным, сегодня считалось

малозначительным, смешным, устаревшим. Согласно этим неписаным законам миропорядка, одни погибали на фронте, другие делались генералами, одни нищали, другие становились хозяевами жизни. Победителем же часто оказывался тот, кто был циничнее, наглее и хитрее других...»

(Рассказ «Чужой счёт»)

«Удивительно, до чего податлив человеческий материал: как пластилиновых, обстоятельства и условия жизни лепят по своему большинство людей!..»

(Рассказ «Чужой счёт»)

«Как ни крути, свобода – категория внутренняя: можно быть рабом в душе, занимая высокий пост и обладая почти неограниченными полномочиями, и можно оставаться свободным в душе, даже находясь за решёткой».

(Рассказ «Чужой счёт»)

«Счастье – это, наверное, жить там, где никогда не бывает войн».

(Рассказ «Чужой счёт»)

«...Если война – явление противное человеческому разуму и душе, то не желудок ли в таком случае, вечно

голодный и ненасытный, не эта ли прорва движет войной, являясь скрытым её мотором?..»

(Рассказ «Сон фидаина»)

«Отчего с такой болью разрываются невидимые нити, связывающие человека с жизнью, и почему так жестоко обходится напоследок жизнь с людьми, в которых сама жила на протяжении десятилетий?»

(Рассказ «Агония»)

«Почему человек не остаётся вечно молодым и сильным на протяжении всей отпущенной ему жизни?.. Ведь чем взрослее человек, тем беззащитней он перед жизнью. И не было бы разумнее, если бы дожив до сорока, люди умирали, а вернее, исчезали или растворялись в воздухе в расцвете сил и здоровья, чтобы никто не стал свидетелем их агонии, беззащитности, стыда и унижения перед смертью... Ведь в такие минуты сама жизнь кажется жалкой и бессмысленной...»

(Рассказ «Агония»)

«Странная вещь – смерть... Как можно вдруг перестать быть хозяином своих ощущений, чувств и переживаний?... Не владеть каждым движением тела и души... Не быть хозяином самого себя, своего естества... Не чувствовать более себя, отречься от

себя, того не желая... Превратиться в ничто – навеки раствориться в великом Ничто...»

(Рассказ «Агония»)

«Привычка сильнее человека и не изменяет ему даже в экстремальных ситуациях».

(Рассказ «Агония»)

«...Существует определённый предел напряжения, за которым человек, даже очень сильный и волевой, теряет собственную личность. Больше смерти человек, пожалуй, боится боли, вернее того, что эта боль будет чрезмерной, невыносимой».

(Повесть «Звёздный Мальчик»)

«Говорить правду – недостаточно, нужно ещё и оправдываться за неё. Оправдываться, так и не доказав ничего, потому что правда очень часто не выгодна окружающим: они предпочитают закрывать на неё глаза, заменяя её неким суррогатом собственной правды».

(Повесть «Звёздный Мальчик»)

«Мал и ничтожен человек в бесконечности времени и громаде пространства... Лишь любовь,

словно мощная лупа, увеличивает человека, возвеличивает его. Она находит и сводит во времени и пространстве двух существ, чтобы наполнить их жизнь смыслом и значением, слепить их судьбу... Без любви же человек – ничто».

(Повесть «Звёздный Мальчик»)

«Боль возвеличивает войну, возводит её в категорию чрезвычайного, экстремального. И если бы не страх боли, войны как способ решения конфликтов, наверное, прекратили бы своё существование. Возможно и другое: притупившийся инстинкт самосохранения, самый мощный из животных инстинктов, который стимулируется именно ощущением боли, дал бы людям истребить друг друга в одной великой войне».

(Повесть «Звёздный Мальчик»)

«Многим хватает ума делать карьеру, а вот мудростью не делать её любой ценой наделены не все...»

(Повесть «Звёздный Мальчик»)

«Смерть коварна и непредсказуема, не терпит она легкомысленного и пренебрежительного отношения к себе».

(Повесть «Звёздный Мальчик»)

«Разумно и логично, когда человек периодически осознаёт своё ничтожество и ограниченность. Благодаря этому он, пожалуй, больше прикрепляется к жизни, начинает бережнее относиться к ней, ценить и глубже понимать её».

(Повесть «Звёздный Мальчик»)

«Война уже изначально составляет свои чёрные списки, где чётко зафиксировано, кому быть раненым, кому – убитым, а кому – пропасть, раствориться в ней».

(Повесть «Звёздный Мальчик»)

«Взнузданное слово – всё равно, что птица без крыльев».

(Повесть «Звёздный Мальчик»)

«...Слово не исчезает, не теряется в потоке времени, не выпадает из него, сохраняясь в том виде, в котором оно было употреблено, и имеет свойство материализовываться».

(Повесть «Звёздный Мальчик»)

«Журналистика военного времени – это балансировка на грани правды и лжи, дозволенного и

запрещённого, долга и необходимости. На войне журналист находится меж двух огней – он не защищён как с передовой, так и с тылу».

(Повесть «Звёздный Мальчик»)

«Боль – категория не только физическая. Она часто рождается из печали, грусти, боязни перед опасностью и даже перед неизвестностью».

*(Рассказ «Рождение человека,
или Преодоление боли»)*

«Боль и угроза боли сопровождают человека всю жизнь... Боль будет стараться всячески унижать его, подчеркнуть зависимость от себя. Она попытается превратить его в труса и подхалима. Но в один прекрасный миг он преодолеет боль и, став выше неё, с гордостью осознает себя Человеком, так как поймёт, что не боль является регулятором поступков и действий, а Дух, который зреет и крепнет вместе со становлением человеческой личности».

*(Рассказ «Рождение человека,
или Преодоление боли»)*

«Жизнь – постоянная борьба с самим собой и преодоление боли, которая рождается вместе с человеком, живёт с ним всю жизнь и даже остаётся после него».

*(Рассказ «Рождение человека,
или Преодоление боли»)*

СОДЕРЖАНИЕ

Человек, объявивший войну войне	3
Обыкновенные герои	9
Маленький провидец	49
Страх	58
Беженка	69
Некоторые размышления автора	87

Ашот Эрнестович Бегларян

Обыкновенные герои

Сборник повестей и рассказов

Редактор

Художественный редактор

Составитель обложки

Корректор

Максим Ованнисян

Вардгес Овян

Армен Оганесян

Анаит Айрапетян